

ТАТЬЯНА ИВАНЬКО

18+

КНИГА 2

БАЙКАЛ

" — Это мне очень нравится, Ая, что ты считаешь себя сумасшедшей!

- веселясь, рассмеялся Дьявол.

- Это от ума и образованности, это я люблю больше всего. Не верь ничему - это мои лучшие силки, которыми я ловлю ваши душонки. Невсрящие и пустые - вы первые моя добыча.

Он захохотал опять.

— Где пустота в сердцах, там - Я! - радостно провозгласил Сатана."

Калуга, 2020

Байкал

Татьяна Иванько

Байкал. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Иванько Т. В.

Байкал. Книга 2 / Т. В. Иванько — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Байкал)

ISBN 978-5-532-95286-7

Расцвело объединённое приморское царство при новом царе Могуле, впервые за многие сотни лет вновь приблизившись к прежнему величию. Однако Вечное Зло не дремлет, втягивая людей и предвечных в свою игру, разъедая единство ложью и праздным недовольством, приводя к междоусобице. К тому же на Байкал надвигается нашествие дикого и беспощадного племени, ведомого предателем Байкала. Тем временем предвечные братья сходятся в борьбе за Аю, сотрясая землю и Великое Море, навлекая новые беды на Байкал. Но Ая оказывается в руках вражеского предводителя. Ничто не объединяет так как общий враг, и братья вступают в битву за свой Байкал, за царя и за любовь, отринув разногласия и ревность. Силы неравны, враги многочисленны и беспощадны, Байкал разобщен и ослаблен. Чего будет стоить победа? Спасут царство Могул или предвечные или всем суждена гибель?

ISBN 978-5-532-95286-7

© Иванько Т. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 8.	5
Глава 1. Сбывшиеся мечты	5
Глава 2. Встреча	12
Глава 3. Повелительница Той Стороны и её дары	20
Глава 4. Свой путь	29
Глава 5. Приход и уход...	35
Часть 9.	41
Глава 1. Соглашение	41
Глава 2. Прельщение	46
Глава 3. Побег	53
Глава 4. Сладость и горькие слёзы	58
Глава 5. Вялища	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Татьяна Иванько

Байкал. Книга 2

Часть 8.

Глава 1. Сбывшиеся мечты

Я сидел в саду, где так приятно проводить время летом, хотя в чертогах нашего дворца воздух и прохлада свободно гуляют под высокими сводами, камни не давят на сердце и голову, всё же здесь, среди деревьев, трав и цветов, под небом, купаясь в солнечных лучах, нежась в объятиях ветерков, овеваемый трелями и переговорами птиц, я всегда чувствовал себя вольготнее и лучше ещё и потому, что много лет меня преследует чувство, что за мной подсматривают даже стены, что в каждой щели, в каждой складке любой занавеси, под каждым ковром и покрывалом скрываются уши, из каждого угла следят ненасытные глаза.

С того памятного дня, вернее ночи, как я всё переменял в Авгалле, минуло двадцать лет. Прошедшей зимой. После того много, очень много переменялось не только в Авгалле, но и по всему приморью. Я по-прежнему был наследником, потому что отец мой был жив и даже вполне здоров. Но моя мать, царица Галея, умерла на другой год после той тревожной зимы, поздняя беременность унесла её. Я горевал даже больше, чем мог предположить. В детстве я боялся смерти матери, как не боялся ничего другого, но, взрослея, я перестал об этом думать и со временем вообще потерял все страхи. И вот, когда я забыл об этом думать, она внезапно покинула меня... Я винил отца в её смерти, впервые в жизни испытывая злость и чуть ли не ненависть по отношению к нему. Кто, если не он виновен в этом? Но, спустя несколько дней, я укорял самого себя за ту злость. И вот почему: моя жена Арлана начала говорить об этом, повторяя мои мысли, а на деле подлые сплетни своих кумушек, коих расплодилось вокруг неё великое множество. Даже Калга примкнула теперь к их сонму. И мне стало стыдно, что я в своих мыслях и чувствах опустился так низко.

Калга родила мёртвого младенца мужского пола, чем вызвала облегчение в моём сердце, как ни грешно мне это признавать, потому что, как ни заставлял себя, одновременно стыдясь и испытывая отвращение, я не мог считать его своим, но и отвергнуть её сразу мне было совестно, хотя после насилия, произошедшего над ней, я отослал её не в силах больше не только касаться её, но даже видеть. И теперь она, моя бывшая наложница, что, впрочем, давно было забыто не только мной и самой Калгой, но даже Арланой, так давно уже Калга стала приживалкой при моей жене среди множества прочих. Они, все эти женщины, кого я и в лицо-то не различал, взялись едва ли не вслух осуждать царя Галтея, моего отца, обвиняя в том, что мать понесла и умерла от этого.

Услышав это, я взорвался.

– Не смей касаться имени царя в грязных речах своих, подлые сплетницы! – воскликнул я, воззрившись на них и надеясь испепелить взглядом. – Арлана, или заткни рты своим рабыням, или я прикажу казнить их всех разом, предварительно урезав языки!

Все, включая Арлану, побледнели, отшатнувшись, никто не смел воспринимать мои слова легко.

Вообще же, после исчезновения, а я думаю, и смерти Сила Ветровея, потому что я не могу поверить, что он где-то так хорошо спрятался, что никто во всём приморье не слышал о нём с той великой ночи, с того самого времени, с его смерти Арлана очень переменялась ко мне. И вообще переменялась. Ведь не только её отец пал жертвой в ту ночь, но и вся её

семья, как и все вельможи и их семьи, потому что удержать толпу, почуявшую кровь после первых убийств, было нельзя. Так что моя жена, имея всё же ум и осторожность, вела теперь себя теперь образцово, ничем не вызывая моего гнева и даже мелкого недовольства. А потому зажили мы ладно, за прошедшие годы она родила мне ещё двенадцать детей, семеро умерли, но шесть здоровых отпрысков радовали моё отцовское сердце.

Отцом я был строгим, быть может, потому, что после Рады рождались только сыновья, и всю ласку и нежность, на которую был способен, я изливал на мою дочку, а может быть оттого, что понимал, что одному из них когда-то придётся занять трон, а ей придётся выйти замуж, и будет ли с нею так же ласков её муж, никто мне пообещать не мог. Семнадцати лет я выдал её замуж за Астава, царя Парума, царства восточного берега Великого Моря, Астав был сыном прежнего царя, ставшего моим хорошим приятелем во время моего странствия по берегам Байкала, когда я искал Аяю. Сам же Айхон семь лет как ушёл за Завесу, передав трон достойному наследнику. Нынешний царь, мой зять Астав, не мог, конечно, стать мне другом, как был его отец, но он унаследовал его разум и понимал, как важна дружба не царей, но разных краёв нашего приморья.

Всё изменилось, всё стало новым под ясным небом Байкала, ничто не оставалось прежним, кроме древних плит дворца и площади перед ним, и ещё... ещё Аяи...

Аяя... Она так и осталась в моём сердце самым большим и самым живым, что там вообще было за всю мою жизнь. И даже то, что она умерла или покинула меня, предав, чему так и не было и теперь не могло быть подтверждений, так ничего не изменило во мне. Время оказалось не властно над тем, чем и кем она была для меня. Я ничего уже не помнил из тех давних событий, потому что насильно заставил себя не вспоминать, я зашил все воспоминания в мешок и зарыл в самом тёмном, самом дальнем углу моей памяти, потому что иначе я не смог бы ни дышать, ни жить, ни смотреть на мир, всё застила она. Потому теперь при мне было только одно, только то, что она вообще была. Потому что с этим ничего нельзя было сделать, только это ещё оставалось живо во мне: Аяя и каким был я в то время. Я больше никогда не был таким. И не чувствовал ничего подобного больше никогда.

Спокойствие, уважение и доброе отношение Арланы ко мне вернуло меня в её объятия, я не искал больше отдушин в объятиях других женщин, сохраняя телесную верность все эти годы, потому что сердце моё не было теперь отдано никому, оно было похоронено в том же неизвестном месте, где и Аяя. При этом я вполне счастливо жил эти годы. Мои дела радовали меня, принося плоды каждый год, каждый день.

Авгалл стал самым сильным, прирастающим людьми царством на берегах Великого Моря. Веси разносятся быстро, словно их носит ветер, из уст в уста, из уст в уста и вельми быстро наши соседи приняли у себя то, что я отвоевал некогда ценой большой крови и потрясения для столицы и всего царства. В остальных царствах подобные Ветровею, Щуке, Чёрному Лису вельможи сами явились к царям с нижайшими челобитными: принять в казны большую часть их богатств. Участь наших князей, растоптанных чернью в одночасье, отучило прочих от алчности и забывчивой наглости.

А ещё спустя несколько лет всё приморье решило объединиться. И теперь я уже десятый год был царём над царями, оставаясь наследником Авгалла, я стал царём царей Байкала – Могулом. Вот так сбылись мои мечты, которые казались такими дерзкими когда-то и моему отцу и всем, кто слышал их. Только один человек, кто изначально поддерживал меня во всём и до мелочей мог понять моё торжество, не был теперь со мной рядом...

Но теперь помимо царей, над которыми был я, включая моего отца, у меня были мои прежние верные соратники – Загиб и Зоркий. Никакими вельможами они не стали, ни злата, кроме того, что Загиб умело зарабатывал, будучи старостой кузнецов, они не стяжали. Совет, созданный в ту самую всё переменяющую ночь, и все принятые тогда законы и правила только

укрепились за прошедшие годы, став непреложными, и распространились постепенно на всё приморье. Так что мы теперь жили единым союзным царством, с едиными законами.

Я не пытался бороться с отличиями в разнообразных привычках наших царств, объявив равными и не имеющими решающего и разделяющего значения разницу в обычаях вышивать платья, или готовить кушания. В моём ежегодном расписании было обязательное посещение всех городов приморья, не только столиц и царей, но и всех прочих, и встречи с их старостами. Я не доверял этого никому, всюду ездил сам, выслушивая старост городов и деревень, нарочно для этого приезжавших в города. Я создал то царство, о каком мыслил ещё в детстве и мог теперь быть вполне счастливым. Я и был счастлив.

И сейчас, наблюдая за тем, как играют в саду мои младшие сыновья и мой внук, которого родила три года назад Рада и привезла в это лето в Авгалл погостить, я думал об этом, что моё будущее определено и прекрасно. Все эти годы в приморье царила великолепная погода, урожаи радовали, людей прибывало, выросли новые города и сёла, расцвела торговля не только между частями единого царства, но и из дальних стран к нам ехали и плыли по рекам, привозили свои товары, диковинные фрукты и специи, ткани, покупали наши, особенно ценили золото, драгоценности, вышитые одежды и льны. А ещё рыбу, тюленину, меха и ворвань. А кроме всего этого наезжали оружейники, по-новому умеющие варить металл из разных руд и делать особенно острые и прочные клинки, строители со своими секретами их изумляющего мастерства...

Я не мог не гордиться собой и своими свершениями, и сейчас под сенью большой раскидистой груши, где устроены были стол и скамьи, со мной вместе был Зоркий, он рассказывал мне, что услышал от купцов из дальних стран: далеко на полдень растёт большое племя, многочисленное, но до нищеты бедное и вовсе не образованное, и земли там скудны, потому люди, кочевники, перебивающиеся временами ловитвами, дики и озлоблены, а правители их алчны и лживы. Малая толика жителей богачи, остальные бесправные и безропотные рабы. И мне подумалось вдруг: появись там сильный правитель, что пообещает своему обездоленному народу лучшей жизни, что, если пойдут они на север к нам... от этой мысли по моей спине прошёл холодный ветерок, несмотря на зной, от которого едва спасала щедрая тень...

Я внимательно слушал Зоркого, поддавшись и течению своих мыслей.

– Как думаешь, Зоркий, правда то, али вотще энто бають? – спросил я, не поднимая глаз на моего приближённого друга, желая вслушаться в голос и по его звучанию понять, что он действительно думает. Притом, что Зоркий мною никогда не был пойман на лжи, я продолжал, своей навеки уязвлённой душой, до конца не доверять никому.

Зоркий вздохнул, поглядел умными чёрными глазами на моё лицо, повёрнутое к нему в профиль, а я чувствовал взгляды и читал их, даже не глядя, и ответил после промедления:

– Дак-ить... как и думать, Великий Могул, ежли никто не бывал там, ничего не видал эакого. Может правда, а может изветы лишние. Досужие измышления и молва... С людей станется, как известно... – он вздохнул, размышляя, как бы молвить дальше, чтобы я до конца понял его мысль. – Но те полудикие, что опасного в тех, кто не разумеет ни грамоты, ни кузнечного дела? Даже и пойдди они куда, так то лишь толпа дикарей, как скот, что они могут супротив нас?

– Что смогут супротив нас-то? Что может сделать стадо быков с садом, али засеянным полем... – проговорил я. – Не останется ничего, ежли пробежится...

Я налил нам с ним душистого свежесваренного липового мёда в золотые кубки. Котломы, ладки на златых чашах, посверкивающих в солнечных зайчиках, проникающих сквозь густую листву сюда, лучики играли весело почти как мои дети в десяти шагах от нас.

– Стало быть, послать надо людей туда толковых и верных, – сказал я. – Оценить, понять надоть, чего опасаться, как оборону весть. А может они и вовсе мирные люди, так торговлю

наладить. Нельзя вслепую жить, неверно это. Много имеешь, обороняй хорошо, а чтобы оборонять, понимать надоть, что в пределах и сопределье делается...

– Так конечно, именно это и следует сделать в ближайшее время. Нехорошо будет, ежели внезапно нагрянут враги какие, – с облегчением произнёс Зоркий, ох и неохота ему размышлять о каких-то диких полуденных людях.

Я выпрямил спину:

– Откуда и взялись они, никогда не было никого на много тысяч вёрст вокруг, а, Зоркий? – спросил я, заметив, что он смотрит на лужайку, где бегают малыши, а рядом сидят мамки и среди них Рада, улыбающаяся, ясная, сама, как это солнце, что играет лучами с её украшениями, белокурыми волосами. Славная, очень красивая выросла моя дочь, взяв от меня и от матери лучшее, и нравом была тиха и мила, Астав был счастливым супругом, как мы с Арланой счастливыми родителями. И взгляд Зоркого на неё, уже не впервые пойманный мной, не понравился мне. Потому что те самые глаза, уши и языки не утихали и не унимались никогда во дворце.

– Зоркий, – строго сказал я, глядя на него и ожидая, что он обернётся на меня и поймёт моё недовольство, как всегда понимал без слов. Но он был слишком занят любованием моей дочерью.

– Ты отчего до сих пор не женат, Зоркий? – спросил я. – Нехорошо это.

Он вздрогнул и обернулся, краснея, даром, что седина заблестела в висках и чёрной бороде, залился румянцем, как нашкодивший отрок. Всё понял и взгляда своего устыдился, не придётся мне тратить речей, чтобы образумить его.

– Дак ить... вдовый я, ты же знаешь, государь, – пробормотал он.

– Я знаю, конечно, а только пора и ожениться, не дело холостому ходить, не по-людски. Давай-ка, выбери жену и чтобы к осени конём стоялым жадными глазами по чужим жёнкам не зоркал.

Зоркий покраснел совсем, кажется, и лицо слилось с тёмными волосами, будто от стыда линия.

– Прости, государь, – заморгал он. – Давно не видал Рады... как уехала на восток к Аставу...

Вот умный-умный, а дурак! Кто же вслух эдакое произносит о парумской царице! Думки и те грешны, а уж слова...

– Забудь! – тихо прорычал я. – Даже имя парумской царицы произносить не смей! Вокруг мухи услышат и те донесут до жаждущих ушей! Не смерти неминучей за такое преступление бойся, но того, что оно может с царством союзным сделать. Всё на доверии, на честном имени каждого из нас держится. Захочется кому только забросить семя дряни, как оно даст такие всходы, что всё разорвёт изнутри, как трава разрывает камень.

Зоркий совсем смешался, вытянулся передо мной, будто я плетью его огрел.

– Забылся я, государь, виноват, не посмею больше... – задушено проговорил он.

– Ступай, – сказал я, смягчаясь. Обещает он то, чего не сможет исполнить, потому что ни любовь, ни страсть в сердце не схоронишь, выскакивает и из глаз, и с языка, из всего человека сквозит, любой, слепой и тот заметит. Отправить Раду восвосяи надо...

Но этому воспротивилась и сама Рада и Арлана, скучавшая по единственной дочери, и по внуку. И я не стал настаивать, чтобы не вызвать подозрений уже этим, авось обойдётся всё и не станет никто следить за взглядами Зоркого.

Да и что значат его взгляды, кто не глядел восторженно на Раду? Только слепой. Так что, будь Астав самым безумным ревнивцем, и то почвы тут нет никакой. А он таким не был, любил Раду и доверял. Потому отпускал к нам в гости. Этим я и успокоил себя, уверенный, что Зоркий никакой взаимности никогда от Рады не получит.

Как я ошибся, что не поговорил об этом с моей разумной и в общем-то хладнокровной дочерью и не предупредил этого, как я мог подумать, что от своего красавца-мужа, каким был молодой Астав, Рада сможет отвлечься на немолодого уже для неё Зоркого... Но я быстро перестал думать об этом, занимать мысли ещё сердечными увлечениями близких – это требовало слишком больших усилий для того, чьё сердце давно умерло.

Меня ждали дела, и пора было вернуться из сада во дворец, куда, явились старосты городских скорняков, ткачей, им казалось, что цены у них слишком низки и хотели поднять их. Это мне не понравилось.

– С чего это станем подымать цены? Али нехватка какая образовалась? Али спрос очень вырос? – спросил я.

Любое повышение цен тянет за собой и все остальные подорожания, и недовольство людей. Никакой причины для этого не имелось сейчас.

– Дак-ить и вырос спрос, государь, и кузнецы-оружейники тоже говорят, много больше продаём теперь-от. Позволь поднять цену хоть на четверть куны, – проговорил кудлатый Морлан, старший скорняк. Глядя на него, я всякий раз думал о том, что неплохо было бы ему собственную голову и бороду в порядок привести, а то звериные да коровьи шкуры налаживает, а собственная хуже овина у нерадивого ратая...

– Не вижу для чего делать это. Хотите, чтобы хлеб вам тоже стали дороже продавать? И молоко с яйцами? Оставьте ненужную суету, мастера. Сами говорите, много больше сбываете, стало быть, и зарабатываете больше.

– Дак не разгибаясь, трудимся, государь.

– Учеников возьми, подмастерий, помощников. Не скупись, ещё больше продавать будешь, больше золота в закрома потечёт. А цены поднимать не позволяю, разброд от того может нехороший начаться. А причин нету, Морлан, акромья зазнайства и лени.

Морлан нахмурил косматые сизые брови и проговорил себе под нос, но вполне слышно:

– Обидно говоришь, государь, никто мене ленью не пенял.

А глаза опустил, ишь-ты, обиделся, с виду космач лесной, а, поди ты, как красна девка обижается.

Мне захотелось рявкнуть на них, обнахалившихся мастеров, требующих невесть что от царя, но я давно научился сдерживать гнев и ярость.

– А я и не говорил, что это ты ленив, – опустив глаза, негромко сказал я, чтобы огонь ярости не вылетел из моих глаз и не ударил в Морлана, – не сам, думается, ты решил ко мне явиться, товарищи тебя послали, вот среди них лентяев и ищи. А тебя я всегда как самого лучшего мастера почитал, ты знаешь.

Это правда, шкуры я покупал только у Морлана.

Он поклонился, оценив верно и сдержанность мою и к себе отношение.

– Так всё, государь, а только странно как-то слишком много стали покупать купцы иноземные. Никогда ране столько не покупали. Куды они везут энтю всё?

Вот над этими словами я задумался и через пару недель позволил поднять цены для иноземных покупателей и оставить прежними для своих, то есть для всех приморских. На том остались довольны наши мастера.

Длинный день я оканчивал, как и прежде, посещая перед сном отца. И хотя я был над всеми и над ним тоже, как над царём Авгалла, здесь я по-прежнему оставался его наследником, его сыном, Мареем-царевичем, став для всех Могулом...

Он не слишком постарел за прошедшие годы, будто замер в некоем неопределённом возрасте. Теперь он никого не звал больше по вечерам, кроме меня. Все мои братья и сёстры давно уже ушли из дворца, сестры вышли замуж, и младшая умерла родами три года назад, а братья жили теперь по всем берегам приморья, уехав в имения своих жён, которых поначалу выбирала матушка, а потом я, постаравшись найти таких, кто удержит в узде моих глупых и склонных

к нехорошим развлечениям братцев. А потому все они жили теперь под толстыми каблуками своих сильных жён очень спокойно и даже благообразно. Полагаю, были они вполне счастливы и даже многодетны. Так что внуков у моего отца было такое множество, что он не помнил даже их имён. Об этом он и сказал сейчас, смеясь.

– Это хорошо, бабушка, – сказал я, – разве нет? Ведь это значит, что Боги благоволят нашему роду.

Он кивнул:

– Это верно, конечно. Вот только... Пора бы мне уже на тот свет, а что-то позабыли меня Боги.

Я налил вина в кубки, из белых роз хорошее вино сделали в этом году. Сладкое, душистое, светло-золотое. Орехи прошлогодние пока, засахаренные, а ягоды уже этого года, тоже в медовой пудре. Эти разговоры отец вёл время от времени, будто нарываясь на похвалу с моей стороны и уверения, что он вовсе не стар, что по-прежнему ясен его ум и тверда рука, что было правдой.

– Зато девицы не позабыли, – усмехнулся я, намекая, что совсем недавно он взял себе наложницей молодую вдову, красивую грудастую синеокою Кису, так и звали её за кошачью повадку.

Но отец лишь отмахнулся:

– Это так, от холоду, Марей-царевич, – сказал он. – Одному-то знаешь как тоскливо бессонными ночами... А читать глаза не дают, совсем слеп стал на мелкие энти буквы...

Странно, тоски я не помню в нём никогда. Даже после смерти матери, когда он проплакал настоящими горячими слезами целую неделю, он после вышел прежним и не впадал вот в такое вот оцепенение, и равнодушие.

Прошло всего несколько недель после этого разговора, как отец заболел и слёг. Я, хотя меня с детства готовили к тому, что я наследник, что отца я должен буду проводить когда-то за Завесу, я оказался не только не готов к этому, но и повергнут в отчаяние его болезнью. Тем более что лекари в один голос говорили мне, что вряд ли он доживёт до зимы.

Арлана, однако, едва ли не впервые за многие годы, высказала вслух непонимание моего горя.

– И что это ты так горюешь, Марей-царевич? Не могу я понять, – сказала она, пожимая полными плечами.

Они так похожи с Радой, только косы у Рады как мои волосы: мягкие и шелковистые, крупными локонами выются, а у Арланы прямые, гладкие как льняные нити и такие же сероватые без блеску.

Вот и сейчас, дочь, бывшая в наших покоях вместе с малышами, поддержала меня, вздрившись на мать удивлёнными голубыми глазами:

– Что вы, матушка, бабушка наш горюет. Как же не горевать, когда над дедушкой нависла такая...

– Такая что?!.. Что вы, в самом деле, оба? Сто лет Галтею отмерено что ли? Моему отцу помене нашего теперешнего было, когда... – она осеклась под моим быстрым взглядом.

Никогда она не упрекала меня за прошлое, не держала в сердце зла за то, что тогда произошло, приняв всё как победу сильнейшего. Думаю, она даже любить меня стала за то, что я оказался способным сломить её всемогущего и непобедимого отца.

– Ну... ежели такое дело... – пытаюсь оправдаться и загладить возникшую неловкость, проговорила Арлана, поглядев на меня, извиняющимся взглядом. – Надоть Галалия позвать али Сингайла.

О лекарях кудесниках я не слышал уже много лет, да и полно, живы ли они ещё?..

– Живы-живы, батюшка! – вдруг подхватила мать Рада. – У нас две деревни прошлой зимой шибко болели, опасались, как бы не перекинулся мор на ближний город. Галалий помог, остановил заразу.

– Галалий... Что, исцелились все?

– Не все. Померло много, но дальше зараза не пошла и те, кто нетяжко заболел, выздоровели, – сказала Рада.

– Тогда Сингайла придётся звать, – сказала Арлана. – Он кудесник, спасает всех.

– Что же там не позвали? – спросил я.

– Сингайл много золота берёт, – сказала Рада, – столько у тех деревень не было. А Галалий только книги, вина цветочного, мёду, ткани редкостные... – сказала Рада.

Я рассмеялся невольно, несмотря на тоску последних дней. И верно, забавно получалось, что странный лекарь Галалий берёт за свою работу такую странную плату.

– Что ж, зовите Сингайла, коли без кудесника никак, – сказал я.

Глава 2. Встреча

Эти годы я жил, как и всегда прежде, не замечая времени, пробегающих мимо зим и вёсен, погоды, природы, будто и не выходя из дому. Да я и не выходил почти за пределы моей долины, скрывшись от людей, изредка посещая дальние города, чтобы прикупить то, что было необходимо. Я привык жить именно так во времена вынужденного «отселения», как зимняя спячка моё отшельничество должно продлиться достаточно, чтобы меня некому было вспоминать, а значит начать новую жизнь.

Когда мои сыновья от Неявы достигли возраста, что пора была отдавать в дело, в учение мастерам, я отвёз их вместе с их матерью из своего лесного терема. Не вспомнят ни Неява, ни мои сыновья, Акулин, Гром и Куржевин ни меня, Сингайла для них, ни лесного дома нашего. Помнить будут, что их отец, мельник, помер от мора, но к ним был добр и любил их всех. Последнее, кстати, было верно. Так долго, как Неява, немного женщин задерживалось здесь, в скалистом лесу.

А вообще, инно усталая немочь напала на меня после того, как меня изгнали из Авгалла, едва не убили там... Да что говорить, не Арика снадобья и заботы Неявы, я бы погиб. Самому себе своею Силою я помочь не могу, именно потому я, предвечный, всё же смертен. Любого я могу у Смерти вырвать, но не себя. Сам я в немощи обыкновенный человек, как все прочие.

Все эти годы мне хотелось увидеть брата после, тем более что странная загадка, зачем он брал книгу со странными нечитаемыми письменами, не давала мне покоя, за столько лет, я так и ни разу и не смог до него добраться. Не один и не два раза, а много-много раз я приезжал, приходил по давно мной изведанному пути к его дому, но не заставал его. Будто он, как зверь чувствовал моё приближение и прятался. Но куда и для чего? Раньше он никогда так не делал. Я не видел его, но я увидел многое, то, например, как удивительно преобразился его двор: разукрашенный теперь его дом, стол во дворе, баню, даже сарай кто-то изукрасил, кто и когда так разрисовал его жилище, к тому же подновлял к весне, меняя цвета и рисунки украс, диковинные и замечательные. Али сам Арик со скуки в отшелье своём увлёкся малеванием энтим? Ответа не найдёшь, как и хозяина, где таскается всё время? Всё так же бегали куры, паслись коровы и кони в обширном дворе, похрюкивали свинки в хлеву, но ни следа человеческой души не было здесь всякий раз, когда я приходил.

Войти на двор, перейдя через ограду, я не мог, потому что, если я выстроил вокруг моего дома воображаемые скалы, сквозь которые мог пройти только я один, но сам Арик мог преодолеть их, просто взобравшись и спустившись после в мою долину, правда, только он один, ни человек, ни зверь прейти границы моей долины не могут, один только мой предвечный брат, то в его двор не могу войти даже я. Наверное, если бы я очень захотел преодолеть его препоны, я смог бы, могу же я швырять скалы, не касаясь даже рукой. Но, не видя никого здесь, чего ради я стал бы это делать? Чтобы войти в его дом, и просто посмотреть каков он изнутри? Хотя это и любопытно, но не думаю, что стоит усилий.

Я решил поискать его в городе. Я знаю, что он спускается в Авгалл, и не реже, чем в месяц раз, а по-хорошему, так и несколько раз в седмицу. Пришлось мне нацепить лохмотья, бороду, патлы сделать, с гривы моего коня срезав несколько прядей и прицепив к шляпе из войлока с широкими полями, кои любят бродяги, и я, самый богатый человек из всех, кто когда-либо жил на берегах Великого Байкала, прикинувшись нищим, прохаживался по улицам, стараясь выловить моего брата, чувствуя себя сетью с бубенчиками, моя душа зазвонит сразу, едва он окажется поблизости.

Я развлекал себя таким образом нечасто, только когда чувствовал тоску по брату, а заодно узнавал последние новости в Авгалле, али в Каюме, в Салаз или Синум, тем более в Парум я ездил значительно реже. А остальное время я жил как привык во времена вынужден-

ного изгнанничества. Уже третья или четвёртая красавица выехала недавно из моего терема, чтобы поселиться у своего овдовевшего недавно брата в Паруме. Она приехала к нему вдовой с изрядным запасом золота, могущего стать отличным приданым нашим с ней шести дочерям и ей самой, и её брату жить безбедно многие годы...

Так что дом мой пока пустовал, я как раз привёз мастеров с севера, чтобы обновили и немного перестроили мой терем. И теперь я подыскивал себе спутницу жизни на следующие несколько лет. Мне приглянулась Игрива на том самом севере, в Каюме, светлоглазая и темно-волосая хохотушка с хорошеньким носиком и стройной фигуркой. Её-то я и хотел обольстить незаметно для её братьев, дюжих молодцов-кузнецов и увезти к себе в долину в скалистом лесу. Эта забава полностью захватила меня в последние пару месяцев, когда я почувствовал тот самый звон бубенчиков, о котором упоминал: Арий оказался рядом.

Я завертел головой по сторонам, рискуя потерять свою шляпу, но прошло уже столько лет, кто, и тем более тут, на севере, в Каюме, помнит меня как Сила Ветровея?.. Так что я не слишком волновался, прятался на всякий случай. А вот и он, Арик под видом какого-то краснорожего забулдыги стоваривается с хозяином харчевни о чём-то. Опять напиток собрался, вот ведь мерзавец! За эти годы, что мы не виделись, когда он чуть не угробил меня своей пьянкой, он редко так надирался. Даже очень редко, хотя и случалось, всё же пьяницей был мой брат, и будь он обычным человеком, он давно помер бы от вина, а так меня только мучил, паразит...

Я пошёл было за ним в ту самую харчевню, как вдруг мои бубенчики завопили пронзительнее и чище, потому что я почувствовал, что мимо моего взгляда промелькнуло что-то, что...

То, вернее, та, из-за кого я больше двадцати лет не решаюсь заглядывать за Завесу Смерти, куда раньше хаживал нередко и с лёгкостью. Я увидел Аяю. Я понимал, что в окошке мелькнула только очень похожая девушка, что Аяины кости давно истлели в лесу, где она погибла, что эта девушка не может быть даже её дочерью, чтобы быть на неё похожей, потому что Аяя не успела родить до того как я убил её руками моих подлых рабов... Всё это я понимал умом, но не мог не двинуться за тем звоном, что заполнил меня и убедиться, что я ошибся, что никого не может быть там, в этой лавке, торгующей нитками и бисером, что никто не может быть такой красивой, как была Аяя...

– Эрик?!.. Ты? Ты как здесь? – всегда молодой голос Арика прозвучал у меня за спиной и заставил обернуться и потерять из виду лавчонку, где только что была та, что показалась мне Аяей.

Арик смотрел на меня будто ещё более молодой, чем обычно, с тех пор как остался двадцатипятилетним, сейчас ему будто вовсе двадцать. Да, брат, мне ты глаза не отведёшь, даже и не пытаешься давно... Но чёрт! Как же я рад тебя видеть!

Прохожие на улице, лавочники, с изумлением смотрели на то, как вдруг обнялись два мужика, какой-то патлатый бродяга в широкополой шляпе и пузатый пропойца с чёрной косматой бородой и красной рожей. Но скоро перестали оборачиваться, почему бы этим двоим и не быть братьями, они и в самом деле друг другу под стать.

Я видела из лавки, как Арий обнялся с каким-то страшным дядькой, пыльным странником, привычным ходить по дорогам, не имея ни семьи, ни дома, просить пропитания. С чего это он взялся тискаться с ним, я не поняла, но увидела, что, пока они обнимались, Арий посмотрел на меня и, мгновенно изменившись лицом, подал знак не выходить на улицу из лавки. Вот это удивило меня даже больше самой встречи. А сам, похлопывая громаилу в рубище по широким плечам, пошёл с ним в корчму, куда собирался зайти за стоялым мёдом, пообещав мне не покупать зелёного вина. Теперь точно купит и с этим страшилой напьётся...

Мне стало тоскливо на душе от этого, сколько он просидит там теперь, и какой выйдет... Теперь Арий, если позволял себе наливать вино этим чёртовым, неизменно делался злобен

и до безумия ревнив. Вспоминал какие-то мои слова о Марее, сказанные то ли в забытии, то ли выдуманные им самим, и устраивал мне то допрос, спасибо, что без пыток, о том, как часто я думаю о Марее-царевиче, то просто ругался и ломал кусты сирени во дворе, или шипок, что я насажала, любя их аромат и красивые розы, то расшвыривал вёдра и кадки по двору и сенам. А то вовсе убежал в лес и там носился как бешеный лось, ломая ветки. Почему эта ревность заставляла его страдать я не могла понять. Давно уже было забыто всё, что было да нашей с ним счастливой встречи, и жили мы душа в душу все эти годы, наслаждаясь каждым днём. Я люблю его больше Солнца и Байкала, больше жизни, и он знает это, и год за годом только одно омрачает его чело: за все эти годы я так и не сделалась беременною. Думаю, что-то нехорошее случилось со мной, когда я потеряла ребёнка Марее, или позже, из-за побоев и насилия... Арий всё время хотел взяться врачевать меня, и был уверен в успехе, но я умоляла не делать этого.

– На то воля Богов, Арий, – говорила я. – Всеми своё время...

– Ты просто не хочешь! – немедленно ярился он. – Ты не хочешь! Моего ребёнка не хочешь!

И начиналось:

– Ты не хочешь, потому что не любишь меня! Не любишь!.. – бледнея, кричал он. – Конечно, куда мне до Белого Лебедя!..

– Боги, Арий! Да ты мне милее всех белых лебедей! – пыталась уладить я.

– Рассказывай! Нарочно врешь сейчас, чтобы я сирень твою не изрубил опять!

И кончалась такая дурацкая ссора, конечно, пьянкой... После, отойдя сердцем, он сажал новые кусты, привозя их из окрестных сёл, собирал вёдра по двору и черепки разбитых горшков, и послушно и мягко шёл в мои объятия, уже не брыкаясь.

– Прости, что я такой дурак, Яй, хочешь, прибей меня скалкой... Не бросай только, я один тут... уж не смогу теперь, – смущённо бормотал он, выдыхая мне в волосы.

– Ничё, в город переберёшься! – смеялась я.

– Да нет... Я в этой жизни без тебя теперь... не смогу...

И как он мог думать, что я могу его не любить или бросить?..

А то спрашивал иначе:

– Ты любишь меня? Любишь меня? Скажи! – горячо шептал он, глядя мне в лицо как в лихорадке.

– Я люблю тебя, Арюша, – в сотый и в тысячный раз, не уставая, отвечала я. – Я люблю тебя больше всех на свете!

– Ты любишь меня больше него? – спрашивал он, имея в виду, должно быть, Марее, потому что напрямую он не спрашивал, не произносил имени, но ни о ком другом думать не мог в этом смысле, конечно.

– Я люблю только тебя, – искренне говорила я. – Одного тебя на всей земле.

Чего ж спрашивать, столько лет у меня есть только он. Только он... нет даже воспоминаний ни о чём и ни о ком другом, я похоронила их под теми самыми кустами шиповника, вместе с болью и разочарованием во всём прежнем...

...В Каюм мы с Аяей приезжали изредка, так же за эти годы бывали раза два-три и на востоке в Паруме, и на полдне в Синуме и Салазе, посещая ярмарки и просто прохаживаясь среди людей. У Аяи не было такой как у меня способности отводить людям глаза, чтобы они видели её в каком-то ином обличье, а потому в Авгалл ей ещё долго дороги нет, да и не стремилась она, к моей радости. Впрочем, она не стремилась и в иные города, но на мои предложения съездить согласилась с радостью. Я не хотел больше оставлять её одну в нашем доме. Почти утробный страх заставлял меня всё время держаться рядом. Будто бы я и в самом деле опасался, что она может оставить меня, или кто-то может её у меня похитить. Страх тем более странный, что некому было охотиться за ней, здесь никто и никогда её бы не нашёл, кроме Повелителя Тьмы, но Он пока оставил нас, будто потерял интерес. А больше никто не мог

сюда прийти. Даже найти мой дом никто, кроме Эрика не может и не найдёт. Но я всё равно боялся. Теперь я, тысячу с лишним лет проживший один, не впуская в душу никого, я не могу и вздоха представить без неё. Теперь, вкусив не сладости, но жизни, я не могу рисковать тем, что потеряю её. И сладость, и горечь, и страх, и бьющийся пульс – теперь я был живой, это тысячу лет я был предвечный, теперь я смертен, потому что мне есть что потерять и эта потеря меня убьёт вернее меча или яда...

И тревога завывала во мне волком, когда я увидел Эрика на улице, Эрика вглядывающегося в проём лавчонки, куда, я знаю, только что вошла Аяя, намериваясь купить здесь новых ниток для своего рукоделия. Чего ему на неё так глядеть? Хотя, как ему и не глядеть, все так глядят на неё, я это вижу и именно поэтому мы очень редко бываем в городах: баская Аяя привлекает слишком много внимания, люди сворачивают головы, провожая её взглядами, идущую рядом со мной и не замечающую всеобщего воодушевления вокруг себя. Однажды я спросил её, неужели она не замечает этого?

Она лишь пожала плечиком легко:

– Всегда так было, Огник, привыкла я. Тинган даже пытался меня тайком продать проезжающим, кто побогаче, хорошо отец услышал, батогов ему тогда врезал. Да и девчонка я была совсем...

В итоге всё же продал... Но этого я вслух не сказал, не хотел напоминать ей Авгалл и Марей. Мы никогда больше не говорили о царевиче, потому что мне и мыслей о нём хватало, чтобы терять рассудок от ревности, тех давних её слов о нём я никогда не позабуду...

И вот мой брат, всегда куда более успешный у женщин, вдруг сделался похож на хорошего пса, почуявшего след. Не хватало ещё его интереса к ней!.. Я даже не сразу вспомнил, что они ведь наверняка были знакомы во времена её жизни в Авгалле, я сам видел их в одной охоте... Об этом я вспомнил намного позже. А сейчас я просто не хотел, чтобы он увидел её, ещё не осознавая, почему, но я не хотел, чтобы он даже взглядом её коснулся её.

Поэтому и затащил его в харчевню, надеясь, что Аяя поняла мои знаки и отправится к нашей крытой повозке, что стоит в конце торговых рядов с прочими такими же.

А пока мы с Эриком вошли в кружало, внутри было темновато, как обычно бывает в таких заведениях, но, в общем, довольно чисто, густо пахло скоблёнными столами и полами, и пивом, хороший хозяин в чистоте и холе держит свой кабак, не допускает свинства. Впрочем, по всему приморью за последние два десятка лет всё стало как-то устроеннее, уютнее, чище, детей много по улицам забегало, красивых ярких одежд и украшений мелькало на улицах, а не только из богатых повозок. Намного жирнее стала жизнь во всей Прибайкальской земле. Конечно, способствовали этому отменные урожаи, а им чудесная благодатная погода из года в год, будто кто-то ворожил её и устраивал дожди, когда они были как раз нужны, зной и грозы в своё время, снега столько, чтобы было достаточно земле весной, но не выходили реки из берегов и не топили города и деревни.

– Ох, только крепкого вина не пей, услышь Богов, – поморщился Эрик, когда мы сели за скоблённый стол, пахнущий свежим деревом, как домовина.

Я рассмеялся, обернувшись на него.

– Не стану, хорошо, – согласно сказал я. – От квасу-то не откажешься?

– Пучит с квасу твоего, мёду возьми, али вина одуванчикового, – поморщился Эрик. Удивительно всё же, как этот детина пьёт как двенадцатилетний до сих пор.

Мы сели с ним за стол, глядя друг на друга, чудная шляпа с длинными чёрными волосами, странно сочетающимися с его светлыми ресницами и бровями, на улице прятала почти полностью его лицо, тут же он сдвинул её на затылок.

– Приходил к тебе сто раз, не застал ни разу, – сказал Эрик. – Кто-то весь двор расцветил рисунками тебе, сам ли? Так сладил, стало быть, с тою любовью?

На стол перед нами поставили енды со сладким душистым вином, его и Аяя любит, весёлая с него делается, смешливая, надо взять с собой...

– С любовью? – переспросил я, не понимая. – С какой любовью?

Эрик засмеялся, глядя, как нам принесли и сгибень, и жареные шишки, расставляя на столе простые глиняные плошки. Он даже в терему своём лесном, я уверен, только с золота ест, а тут станет с этих простых посудин пищу вкушать? Уж так соскучился?

– Так позабыл? Стало быть, некрепка была, а пил вусмерть тогда, – Эрик продолжил загадочно для меня насмеяться, и взял кусок сгибня с ревенем.

– Не вем я, Эр, об чём ты молвишь, но напиться и со скуки мочно. Как и стены дома разукрашивать. Надоели серые брёвна-то, – сказал я.

– Ишь ты, раньше не замечал я в тебе малевальных способностей, – сказал Эрик, роняя крошки с подбородка в чарку, из которой глотнул славного золотистого вина.

– Ну... время-то идёт. Вона, как много всего переменялось в приморье нашем, почти што прежний Байкал снова разрастается, а? – сказал я.

Эрик кивнул.

– Да, похоже, только и ждали, что меня, мизгирия, прогнать надо было, что так мешал всем... – сказал он невесело, но и без особенной тоски. – А неплох Марей-то оказался, на поверку, Могул – истинное слово. Стал-таки царём царей, как мечталось ему. Так что победил меня супротивник достойный, я рад, что дочь за него выдал. Теперь прямой внук мой царём царей будет.

Я отмахнулся, меня давно не интересовали притязания на трон, которые мы с ним утратили с разрушением Байкала и тем более эти кровные связи, за которыми так ревностно следил Эрик все годы. Он заметил это:

– Вот ты всегда таким был, семью никогда не заводил по-настоящему, привязанностей не имел, – сказал мой брат, словно с укором, неужто ему есть дело до этого?..

Я посмотрел на него и сказал на это:

– Ты за нас двоих, стало быть, привязанностями обрастаешь.

– Ладно, колотья инно ёж, сам знаешь, как тяжело предвечным в этом... Нам с тобой повезло больше всех, мы друг у друга есть хотя бы.

– То-то ты вечно со мной враждуешь. От привязанности должно, – хмыкнул я, впрочем, добродушно, мне приятно, что Эрик в таком расположении ко мне.

– А то с чего ж? От любви. Кто ещё мне ровня?

Он явно настроен сегодня не просто мирно, а дружелюбно, и впрямь соскучился, похоже. Но что ж удивляться, он всегда скучал по мне больше, чем я по нему. И нуждался во мне, будто в дополнительном подтверждении собственной исключительности.

– Ар, я, что спросить хотел уж давно, – сказал Эрик. – Ты книгу одну у меня тайно брал. Давно, тогда ещё, зачем? Волховал с ней что-то? Зима тогда ещё лютая вышла после... Что за книга? Я так и не смог прочесть...

Вот тут уже я с удивлением воззрился на него:

– То есть... Ты не смог прочесть той книги? – спросил я, невольным изумлением выдавая себя.

И тут же начал соображать, что бы мне придумать, как не сказать ему правды о той книге, завёрнутой в пропитанную кровью предвечных золотоносную ткань. Вовремя правды не сказал, теперь тем более не поймёт он, отчего я скрыл, подозрительным идиотом назовёт и будет прав. Но то, что правда сегодня не было таковой тогда.

– Не смог, но ты прочёл ведь, если уворовал. О погодных кудесах она? Откуль ты язык тот странный знаешь? Я ни одной буквицы не разобрал... Натворил ты с погодой, а меня из-за куралес твоих из Авгалла погнажи. Едва ноги унёс...

– Это я знаю... – проговорил я. – Сам едва жив остался тогда. Прости меня за то...

Пусть думает так, как уже придумал себе... всё лучше, чем правда. Но всё же, как странно, что он не смог прочесть той книги. Её легко читали и я, и Аяя...

– Кстати, что за помощница приходила от тебя? Неява сказала мне, что ты старуху прислал, ягу.

Мне стало легче, ничего и врать не надо, он сам всё говорит за меня, за эти годы придумав и объяснения, и всё поняв так, как лучше всего было и для меня.

– Куда ж без таких бабок, Эрик, я ж не кудесник, как ты, кто может и с Той стороны вывести. Приходится обычными усовниками пользоваться и помощью лекарей да ведьм.

Эрик покивал, улыбаясь. Но потом поднял глаза на меня:

– Однако ж, если бы не ты и твоя бабка, Ар, не выжить мне тогда.

Я лишь отмахнулся, скромничая:

– Да ладно, та Неява тебя выходила, любила. Сразу почуяла во мне ложь, различила, что я не ты, рассмотреть не могла, а сердцем учуяла. Так что её и благодари всю жизнь теперь.

Он захохотал:

– И ты!

И я засмеялся тоже, верно, куда он, туда и я за ним отправился бы.

Очень славно поговорили мы с братом в тот день, как давно не говорили уже, так хорошо не сидели, так легко не шутили. Только одно меня тревожило, что я не знаю, где Аяя, точнее, я считал, что она должна ждать меня в повозке, но мало ли лихих людей... Хотя белый день да и порядку теперь значительно больше стало в приморье. Я сказал об этом Эрику. Он кивнул согласно.

– Да, всё за эти годы устраивается так толково, что зависть берёт. Не напрасно, похоже, трон никогда мне не давался, – сказал Эрик.

Но на это я возразил:

– То-то, что не устраивается, Эрик, ничто не происходит само, новый царь устраивает, спокойно и рассчитано. Ты всегда хотел трона ради трона, а он не рвётся к власти, он хочет устроить царство лучшим образом. Вызывая восхищение, и даже исполоть за древнее наше царство, вообще-то говоря. И не только во мне.

И с этим Эрик не стал спорить:

– Верно, он любим народом. И началась эта любовь с того момента, как он вышвырнул меня, выставив кровопийцей, думающем только о себе и своих жирных закромах.

– А это было не так? – усмехнулся я.

– Да так... – махнул рукой Эрик, кивая. – Но они в ту ночь пролили не мою только кровь, всю мою семью убили, жену и всех детей, так же поступили и с остальными вельможами, – выдохнул Эрик без улыбок, – много зла было сделано... Но всё это забыли быстро.

– Зло не проходит бесследно, даже если было совершено в благих целях, – сказал я.

– Ой, да ладно! – отмахнулся Эрик. – Ты всё хочешь как по писаному, только светлыми мазками, ясными красками. Жизнь сложнее, чем ты в своём уединении думаешь. Ты замкнулся, ты всегда был одиночкой, и тебя вообще не интересовали люди, ты всегда был над всеми. Вот и произносишь теперь какие-то идеальные речи. А люди несовершенны...

– Совершенны. Куда совершеннее, чем мы с тобой, ущербные.

– Мы ущербные? – удивился Эрик, будто споткнувшись. – Мы?!

– Мы. Мы даже умереть не можем. А из-за этого ни любить, ни жить по-настоящему. Ты не задумывался?

Эрик выпрямился.

– Любить... – он хмыкнул, – бери да помирай, кто не даёт?

– Ты, конечно! – улыбнулся я.

– Значит, меня всё же любишь, – засмеялся Эрик.

– Куда от тебя деться, – вздохнул я.

– Так может, опять объединимся?

– Да ну тебя к чёрту! Ты опять найдёшь к чему взрывать и начнёшь мор насыпать на моих потомков... – сказал я и подумал про себя, с какой радостью я принял бы его предложение, если бы у меня не было Аяи. Стало быть, теперь я ревную и куда больше, чем он.

– Ладно, пусть не сейчас, всё равно мне в миру ещё лет десять-двадцать не появиться, но давай хотя бы видеться будем?

На это я согласился, только выговорил встречи вот так, в городах.

– Не то придумаешь ревновать к какой-нибудь своей жёнке очередной.

– Ты-то не женился теперь, так блудишь?

– Так оно нам сподручнее. Привязанностей сердце, остывшее, не терпит, – ответил я, а сам подумал, а почему, действительно, я до сих пор не женился на Аяе?..

Эрик покачал головой, усмехаясь, и сказал:

– «Остывшее»! Будто пылал когда! Лея и та вскользь прошла по сердцу твоему, не задела.

– Вот потому, не заводя семей-то, и легче. А то объясняй жене, чего она старится, а я нет... устал я, братец. Да и дети... знать, что переживу их на сотни и сотни лет. А так... – сказал я, оборачиваясь в поисках хозяина, чтобы приказать ему приготовить мне с собой вина.

Мы с Эриком вместе вышли на улицу, Аяи не видать поблизости, надеюсь, она в повозке дожидается. Правду сказать, долгонько ей пришлось ждать сегодня, но простит, надеюсь, не виделись мы с братом двадцать лет.

– Донесёшь бочонки-то свои? – спросил необычайно радушный сегодня Эрик.

– Сил во мне покамест достанет на безделицу этакую. Ты чего в Каюме делал-то?

– Девушку новую выбрал себе. Вот оболстовать примеривался, а тут ты... – засмеялся Эрик.

– Переоблачись тогда, в этакого нищего страхолюда не влюбится ни одна девица.

Мы обнялись снова и попрощались, уговорившись встретиться тут же через месяц.

Я издали увидел нашу повозку, Аяи не видно, надеюсь, она укрылась внутри... Надежда рассыпалась, когда я подошёл ближе: какой-то человек тёрся возле. Судя по одежде, лоской роже и тому, что поодаль мялся слуга, поглядывающий сюда со смесью нетерпения и покорности, человек этот был богатый.

– Что надобно вам, вашец? – спросил я, опуская бочонки на землю.

Аяя с облегчением обернулась на меня и, воспользовавшись тем, что и непрощенный её собеседник отвлёкся, исчезла под пологом повозки. Эх, Аяя, раньше надо было прятаться, вон у мужика совсем ошалелый вид. Небось, денег сулил, богатеи всегда деньги наперёд суют...

– Кто она? Кто она тебе? – спросил ошалелый. Голос низкий и обычно, надо думать, раскатистый, но сейчас блял, как козлёнок.

Роста он был небольшого, плотный, и лысый весь: и лицо, и голова, похожая на яйцо, профиль чёткий и вообще лицо такое будто каменотес ловкой рукой постарался. Сильный человек, не слишком и молодой, и тот перед Аяей ум потерял.

– Мне она – жена, – весомо сказал я.

– Отдай мне!.. Продай за любое золото. Сколь захочешь золота тебе дам за неё.

– Да ты ума лишился? Я же твою жену не прошу продать, – спокойно сказал я, спокойно водружая бочонки на повозку.

– Так возьми... И золота ещё сколько хочешь... и за ту, и за эту... – слово «эту» он выдохнул, замирая от восторга.

– Ты... шёл бы по добру по здорову, иначе... Человек я грубый, рука у меня тяжёлая, нрав суровый, так что... ступайте своей дорогой, господин хороший.

– Подумай...

– Ступайте, вашец, – повторил я, сжимая кулаки.

– Ты пожалеешь, – зло проговорил он, всё же отступая. – Я – Гайнер, самый богатый купец в Каюме, а может и во всём Великом приморье...

– Вот и радуйся своему счастью. Чего тебе не хватает? Красы? Рисовальщика найми – стены в терему изукрасит, – сказал я.

– Ты... так... Дерзко говоришь, кто ты? Как твоё имя? Я в Каюме знаю всех, вы не здешние, откуда?

Я не сказал ничего больше, взобрался на козлы и, разбирая вожжи, сказал:

– Нездешние, прощай, Гайнер! И забудь про нас! – с этими словами я дёрнул вожжи, и наша повозка двинулась с места немного быстрее, чем положено, чуть в сторону и я наехал бы на этого наглеца Гайнера.

Когда мы выехали из города, Ая пересела ко мне на козлы.

– Яй, надо тебе научиться как-то скрываться от таких глаз, – сказал я, – не то мне придётся мечами обвеситься.

– Я отлично скрываюсь в нашем лесу ото всех этих глаз. Не поеду больше в город да и всё... – легко произнесла Ая.

Тогда мы не могли даже предположить, что встретим этого Гайнера снова.

Глава 3. Повелительница Той Стороны и её дары

Я уже не думал, что мне когда-нибудь ещё доведётся снова увидеть Маррея-царевича и царя Галтея. И вот, возвращаясь домой из Каюма, я увидел сигнальный белый флажок на длинном древке, болтающийся над кронами сосен и в месте давно и специально для этого устроенном, нашёл послание для Сингайла. Маррей-царевич бил челом кудеснику и умолял спасти своего отца, царя Галтея. Вот странный царевич. Странный, так и непонятый мной наследник, человек, сумевший стать тем, чем я даже и не мечтал – выше всех, царь царей, при этом оставаясь до сих пор наследником Авгалла. И если я вмешаюсь и продлю жизнь Галтею, то ещё пробудет таким вот наследником столько... столько, сколько я позволю...

Но как мне идти лечить Галтея? Я не Арий, я не умею делать так, что люди не узнают моего лица. Я это я, который теперь моложе того самого Маррея и моей дочери Арланы, его жены. Им уже за сорок, а я всё тот же, на вид тридцатилетний. И я – Сил Ветровой, которого они изгнали, почти убили двадцать лет тому... Как мне идти помогать Галтею?

Невозможно.

Но отказать тем более невозможно, ведь Сингайл – кудесник, которому подвластна даже Смерть, что же я из страха быть узнанным брошу на имя Сингайла ком грязи? Сотни лет безупречности пропадут разом от одного комка дерьма, станут говорить, что Сингайл умер али испугался помогать царю Галтею по слабости.

Только один человек мог дать мне дельный совет. Вообще помочь мне мог только Арий. Поэтому я отправился к нему.

Я почувствовал, что Эрик приближается к дому. Я почувствовал это как оглушительный тревожный звон в голове и в сердце, словно тревожный набат забили внутри черепа. Это был полдень следующего дня, после того, как мы встретились с ним в Каюме. Что-то должно было случиться, просто так он не пришёл бы сюда.

Аяя была на дворе, хлопотала у печи, стряпая обед. Я, торопясь, подошёл к ней, страх, что Эрик увидит Аяю, овладел мной, я вспомнил вчерашнего Гайнера и не хотел, чтобы Эрик превратился в его подобие. А потому сказал ей:

– Яй, иди в дом.

Она подняла голову, удивлённо посмотрела на меня.

– Иди в дом сейчас, и не выходи, пока я сам не приду, – добавил я.

– Что случилось?

– Я потом тебе скажу, – сказал я, волнуясь всё больше, – теперь иди, не мешкай. Да, и... и в окна не выглядывай. Я прошу тебя, просто слушайся.

Аяя не стала пререкаться и ушла сейчас же, только ещё раз оглянувшись на крыльце, скрылась за дверью. А я обернулся на изгородь, которую Аяя с месяц назад раскрасила жёлтой краской со спиральными полосами. Из-за деревьев уже показался Эрик на высоконогой чёрной кобыле. И выглядел мой брат озабоченным, он не просто так явился ко мне, что-то серьёзное привело его.

– Ты будто ждал меня, – усмехнулся он, подходя ближе. – Впустишь, али не доверяешь, так выйди сюда, в лес?

– Входи, чего там, – сказал я, отверзая вход для него, для чего протянул ему руку для пожатия.

Эрик улыбнулся, пожав мою ладонь и пересекая границы моего двора уже открытые мной для него.

– Только я по хозяйству, уж извини, похлёбку вот варю, – сказал я, возвращаясь к столу, откуда прогнал Аяю и, делая вид, что он прервал меня за стряпнёй.

Эрик последовал за мной, усмехаясь.

– Ох и босяк ты, Ар, от высокомерия безмерного своего никакую бабу в дом не берёшь, – сказал он, садясь за стол, на котором Аяя оставила всё, что приготовлено было для похлёбки из капусты.

– Ну, считай, что так, – сказал я. – Зачем пожаловал-то? Ведь не о бабах же говорить. Вижу, забота некая одолевает тебя сверх меры.

Вот тут Эрик сделался серьёзным и рассказал о том, что его вызвали лечить Галтея. А я, слушая его, покидал всё в должном порядке в горшок, что забулькал уже на печи. Пока похлёбка доходила, я сел напротив брата.

– Да уж... забота, – задумчиво проговорил я. – Идти нельзя.

– И не пойти как? Сингайлово имя вовеки веков опозорить? Я не отказывал никогда, – со вздохом сказал Эрик.

– Ну да, за большое золото, – хмыкнул я.

– Не всем же изображать добряков беспортошных. – отмахнулся Эрик. – Ладно, Ар, не о золоте и добре надо сейчас...

– Ну... если не о золоте, так я пойду вместо тебя, – сказал я.

– Ты не можешь пойти, ты не спасёшь его. Я вообще не знаю, что Марей-царевич переполошил так-то, время Галтею пришло помереть, вот и всё. Отпускать родителей надо.

– Ты и сам не отпустил когда-то, – напомнил я.

– Ну... Я... Я просто не хотел, чтобы ты на трон отца уселся.

– Да не ври, – сказал я. – Ты так же не хотел его отпускать, как любящий сын.

Эрик не стал спорить. И снова спросил, что ему делать. Тем временем закипела похлёбка, переливаясь через край, и зашипела на раскалённой плите. Я поднял руку, перемещая горшок. Эрик усмехнулся, проследив моё движение.

– Ар, а ты можешь не от себя одного, но и от меня отвести глаза?

Я посмотрел на него удивлённо. Как мне не приходило это в голову с Аяей?

– Проверить можно только на ком-то... – немного растеряно проговорил я. – Но, думаю, если я всё время буду находиться рядом...

– Медлить нельзя, Ар, если ты согласен, нам надо поспешить, иначе наши ухищрения придут с опозданием.

– Вот... прямо сейчас пойти хочешь?

– Если Галтей на одре, чем раньше мы явимся, тем легче будет ему помочь.

– А ежли помер? – спросил я, не ожидая услышать ответ, который он дал...

– До заката успеть можно, даже, если умер. Пока солнце над горизонтом, пока не настала ночь, не умер день, жизнь можно вернуть. Привести из-за Завесы.

Вот это да, Эрик говорил об этом так легко, словно обещал коня вернуть потерявшегося...

– Ты уже делал так? – изумлённо и восхищённо произнёс я.

Но он уже поднялся из-за стола.

– Делал, я же говорю, ничего особенного, – обыденным голосом произнёс Эрик. – Но ты изумляться будешь или поможешь мне?

– Да помогу, чего там. Но может, поедим всё же вначале?

Но он лишь покачал головой, поднимаясь.

– Обойдусь я и без твоей стряпни чудесной, – с презрительной усмешкой произнёс Эрик. – Чай, мы не дети, с голоду живот не подведёт.

Я встал тоже.

– Ладно, погоди, я в дом зайду только...

– Зачем? Котомку свою взять? Али шапку?

Я пожал плечами:

– Котомку тож...

Ая поднялась с припечка, увидев меня. Но, поняв, что я намерен сейчас же уйти, спросила удивлённо:

– Что случилось? Кто это пришёл? С кем ты уходишь? Огник... – и сморгнула, растерянно глядя на меня.

– Это мой брат, Яй, просит помочь ему в одном деле. До ночи вернусь.

– Почему мне нельзя видеть его?

– Не тебе, ему не стоит на тебя глазеть.

– Арий... эдак ты меня в темницу запрёшь, – растерянно проговорила она, поднимаясь.

– Не обижайся, Яй, – торопливо произнёс я, растерянно оглядываясь по сторонам, всё ли взял, – тебе нужны такие же приставаания, как энтот вчерашний, яйцеголовый?

– Но это не какой-то яйцеголовый, это твой брат. Твоя семья. Кто я, ежли ты меня от него прячешь?

Я остановился на пороге, вот это так по-бабьи, начать разговор в самый неподходящий для этого момент, сердясь, подумал я.

– Я вернусь и мы поговорим. Обо всём, если ты захочешь, – он взялся уже за дверь, как вдруг вспомнив что-то, обернулся и сказал: – Яй, я там с похлёбкой напортачил...

И он ушёл, я слышала, как вывел Звёздочку из конюшни, а я осталась с чувством, что я какая-то вещь, кукла, которой он играет, когда этого ему хочется, но стоит появиться по-настоящему важному делу, или вот человеку, и всё: «похлёбкой займись, я напортачил, погляди»...

Возле похлёбки моё место... Ну, ноги раздвинуть, когда ему придёт охота...

Мне захотелось плакать, что именно я и сделала, а в уши мне будто шептал тихий навязчивый голос: «Что ты для него? Что ты? Подумай? Ты даже не «кто»... всего лишь «что»...

Кошка важнее, без неё не проживёшь, а я... меня заменит любая, сбегает на ночь в любую деревню, рассказывал...

В доме спрятал от глаз родного брата. Стыдится меня... Стыдится... конечно, так и есть... ведь знает, из какой грязи я пришла к нему сюда, помнит, не забыл... Разве та грязь отстанет? Такая грязь не отстанет никогда... Разве можно такую низкую девку брату показать...

Я знала, чувствовала, что всё это не так, что я несправедлива, что на деле за все прошедшие годы я ни разу не чувствовала того, что вдруг сейчас забралось мне в голову, а через мысли и в сердце, заставляя его болезненно дёргаться будто в судорогах, а мою душу корчиться от боли, но навязчивый и знакомый голос всё твердил и твердил мне: «Ты ничто для него... Ты ничто... всего лишь...»

Я и подумать не мог, что сделалось с Аяей, когда мы с Эриком направлялись в Авгалл...

Мы ехали с ним довольно скоро, меньше двух уповодов до Авгалла, и вот уже издали мы завидели дома слободы, прилегающие к городу со стороны этой западной дороги, ещё немного и будут видны стены окружающие сам Авгалл, впрочем, весьма условные. Дорога широкая, и, уже от леса, выложенная камнем, не вилась, как сельская, а шла широкой полосой приближаясь к городским воротам. Я давно не был в Авгалле и эти перемены мне пришлись по нраву. Я взглянул на Эрика и сказал:

– Дорога-то, Эр.

– Да... дорога хороша.

Он кивнул, сам Эрик тоже не был в столице все те годы, что прошли с его изгнания. Однако, сейчас же, завидев издали людей, я напряжился слегка Силу. Уже у крайних домов, где бегали куры, он обернулся ко мне и усмехнулся.

– Ну а я как выгляжу? – спросил он.

– А ты старец с бородой до пояса. Так что сильно легко-то не ступай, не то догадается кто, – сказал я и спешился.

Он засмеялся, обнаруживая волнение и тоже слез с коня.

– Себя, значит, эдакой красавицей представил, а я – старый хрыч? – сказал Эрик и хлопнул меня по выдающемуся задку пышнотелой молодухи, коей я представился.

– Но-но, дедуся, без вольностей! Я для того эдакой красавицей, чтобы вернее тебя прикрыть, пусть на меня глаза пялят, а ты так, тенью промелькнёшь, никто и не вспомнит после, как выглядит Сингайл.

Эрик прищурился и одобрительно кивнул.

– Хитро, – он удивлённо хмыкнул. – Мастер ты, однако ж, на ловкости всякие. Я-то всё за простака тебя держу.

Я ничего не ответил, и мы продолжали путь по улицам всё более людным, высокий крепкий старик с длинными волосами и белой бородой, вполне подходящий, чтобы называться кудесником Сингайлом и я, пухлая грудастая девка с рыжеватой косой, и приоткрытой рубашкой, чтобы людям нельзя было не заглянуть мне за лиф, пропуская мимо всё остальное. Иногда надо быть незаметным, но иногда напротив, вот таким...

Мы подошли к дворцу, на обширной площади перед ним теперь были устроены карусели, качели и разные забавы для детей и взрослых, никакой строгой стражи, что некогда стерегла тут пустое пространство, и в помине не было.

Да и весь город, где я не бывал два десятка лет сильно изменился, не только дорога, ведущая к слободе от города, выложена камнем, но и улицы города вымостили камнями, как некогда были вымощены только главные улицы. Но с отличием: на главных улицах Авгалла – гладкие, почти зеркальные плиты мало вытертые временем, потому что древними строителями камень был для них выбран очень твёрдый. Новые же улицы выложены обычными булыжниками, не так великолепно, сами улицы не так прямые, хотя заметно, что старались, ровняли по линейке, и дома на них простые, но ухоженные, приятные глазу, нечистоты текли по канавам по сторонам, прикрытые решётками-мостками, отдельно по центру ехали повозки и всадники, пешие ближе к домам, не мешая друг другу и не рискуя быть раздавленными.

Но не одни только вычищенные улицы удивили нас с братом: множество деревьев и кустов посажены по бокам дороги, теперь ветрам ни сарме, ни култуку не выдуть с улиц тепло, а летом не раскалить камень, деревья и тень навели на те самые дорожки для пешеходов и удивительно преобразили, украсили улицы. И стены домов гладкие, ровные, не такие, как во дворце, конечно, или некогда в нашем Байкале, но всё же старательно сделанные.

– Сильно изменился город, – сказал я.

– Н-да... я же говорю, едва от тенетника Ветровея и прочих кровопийц избавились, расцвели прямо-таки. Но я бы на их месте крепкую стену вокруг города выстроил, а лучше вокруг всего приморья, – сказал Эрик.

– Для чего? Вокруг на тыщи вёрст никого нет, – удивился я.

– Нет... – вздохнул Эрик. – Появятся, дай срок. Эдакое богатство и благополучие не может не призвать на свою голову зависть. Сад чужой всегда сердце зазрит, нет?

Он посмотрел на меня, но я лишь пожал плечами.

– Не знаю, Эр, мне не зазрит.

– Это потому, что тебе плевать на всё и всех, лёд ходячий.

Я засмеялся.

– Токмо Сингайла Льдом-то кличут, не Галалия.

– Это потому что ты хорошо морочить всех научился добротой своей притворной. На деле тебе всё равно, вот и не обижаешь никого, потому и слывёшь добряком-от. Горел бы, так и других бы обжигал... – проговорил Эрик.

Эх, мало ты меня узнал за тыщу с лишком лет, брат. И жечь, и мучить отлично могу и я, только ты этого не видел. И не покажу я тебе...

Меж тем мы подошли к дворцу. Тонкий аромат вился вокруг него, тёплый и вроде бы даже знакомый, сладкий...

– Чем это пахнет? – спросил я удивлённо.

– Шиповник, – почему-то вздохнув, ответил Эрик. – Весь сад и задний двор засажен его кустами. Прежняя зазноба Мареева любила розы энти, вот он и расплодил...

– Ты откуда знаешь? Ты двадцать лет тут не был.

– Ещё при мне началось. В память о той... Может, вспоминает так её, а может... кажется ему, что она всё ещё рядом, – он произнёс это так, что мне стало не по себе. Если Эрик не всё знает обо мне, то и я, похоже, мало знаю и о нём.

Внизу крыльца у нас взяли лошадей и привязали у длинной коновязи, всё верно, в царской конюшне нечего делать чужим лошадям каких-то приезжающих, нас встретили стражники вопросом:

– Кто такие? – спросил один.

А второй добавил:

– Царь Галтей болен, Могоул никого не принимает до срока. Зоркому доложим, он с вами поговорит, и решит, надо ли вас к Моголу пустить.

– Скажи, Сингайл Лёд здесь. Могоул знает, сам звал меня. Я и явился, – Эрик выпрямился и никто не мог бы сомневаться, что перед ними кудесник стоит.

Все, кто услышал эти слова изменились в лице, те, кто не смотрел, обернулись. Один стражник сразу же побежал внутрь дворца, другой склонился в пояском поклоне.

– Обожди, досточтимый Сингайл Лёд, сейчас явятся, проводят тебя, – произнёс он голосом совсем иным, разгибаясь. – Во дворце нашем заплутаешь с непривычки.

Эрик посмотрел на меня, в глазах мелькнула лёгкая усмешка, я понял его: этот дворец за триста лет он знает, как свои пять пальцев. Хотя перестроили и подновили его после пожара двадцатилетней давности.

Сам Марей-царевич, или как все кличут его теперь, Могоул, явился на крыльцо встретить нас и даже не заставил себя ждать. Тут уж я разглядывал его во все глаза, он, впрочем, не обратил внимания на мясистую девицу, что пялилась на него. Привычен он к такому, в центре всеобщего внимания всю жизнь. Я видел его несколько раз, но очень давно, ещё до того, как узнал Аяю... И с тех пор помнил каков он был. Но так близко я не видал его никогда. В чёрных одеждах, без единого цветного пятнышка, только рубашка белоснежной полосой выглядывает у горла, да на рукавах. Очень стройный, но сильный, это видно по движениям его тела, с возрастом он не отяжелел, как иные, длинноногий и гибкий, белокурые волосы или не тронуты сединой, али она прячется в их светлых волнах, распущенных по плечи. Изумительной правильной красоты тонкие черты обрамляла светлая мягкая борода, лишь подчёркивая сильный подбородок, выступающий под ней. Лицо учёного, мыслителя, не сластолюбца... Мог он быть «мёдом для её сот»?..

Из-под тяжёлых век огромные серые глаза смотрели на нас, покой и уверенность в них смущены страхом за отца и болью.

– Сингайл, великий кудесник, Марей-царевич пред тобой, Могоул просит тебя, – он наклонил великолепную голову.

Эрик нахмурился и сказал весомо, стараясь придать голосу низких рокочущих звуков, не впуская молодую бархатистую мягкость, что была в нём всегда:

– Не трать слов, Марей-царевич, веди к отцу.

Марей-царевич, кажется, оказался удовлетворён таким ответом и даже рад, потому, развернувшись, повёл нас по коридорам дворца, где я так и не был, влетев некогда в книжную комнату, а после в почивальню вот этого самого Марeya, но тогда мне и в голову не пришло разглядывать голого сонного царевича.

Мы шли довольно долго по лестницам и коридорам, я оглядывался по сторонам с интересом, ведь стены эти помнили ещё наш древний Байкал, когда был здесь на берегу небольшой портовый город Авгалл... Да, здесь всё было подобно тому, как в нашей с Эриком древней

столице, те же великие строители задумывали и строили города и дворцы в во всех тогдашних городах. В самом городе больше таких изумительных зданий нет, он вырос в последние триста сорок лет, с тех пор, как погиб Байкал, а к этому времени уже давно не было величайших зодчих, возводивших сказочной красоты чертоги одною силою воли и ума, не прикасаясь грубыми инструментами. А потому здесь стены были гладкими как зеркало в этой, древней части дворца, и отличались, хотя и подражали тщательно в остальных частях, которые мы проходили. Поистине запутанное строение, просто так дорогу не найдёшь, проводник и впрямь необходим и Могул, конечно, великую честь нам оказывает. Хотя, если вдуматься, не простых лекарей ведёт, полумифического кудесника Сингайла. А если ещё глубже вдуматься, то... Мы так долго шли, что я о чём только не передумал, глядя в гордую спину Могула, уверенной поступью следовавшего по длинным коридорам.

Наконец мы подошли к высоким дверям, украшенным изысканной резьбой и даже кусочками горного хрусталя, посверкивающего в огнях ламп. Привратники с поклоном отворили перед Мареем-царевичем двери, и мы вошли за ним.

Громадные чертоги... я почти отвык от таких покоев... если бы не ковры на полу и стенах, искусно вышитые и вытканые картины, здесь, пожалуй, и эхо разносилось бы.

– Женщина, останься здесь, – сказал Марей-царевич, впервые взглянув на меня.

Но Эрик проговорил в ответ:

– Она пойдёт со мной туда, куда пойду я.

Марей-царевич посмотрел на него с несколько мгновений и согласно кивнул:

– Будь по-твоему, кудесник.

В этой горнице я не сразу заметил нескольких слуг, красивую статную женщину, светло-русые косы которой были перевиты золотыми шнурами, а одежды богато затканы золотом, как она носит-то тяжесть этакую, спина, небось, болит к вечеру... Это должно быть жена Марей-царевича, больше некому, племянница моя... И сыновья их, и... девушка прекрасной наружности, это видно дочь... Эрик, их отец и дед вскользь оглядел на всю эту компанию, сидевшую по лавкам в окружении слуг. На миг обернулся на меня и кивнул, чтобы я следовал за ним, не отставая. Я сосредоточился, все эти встречи могли нарушить мою начальную настройку, и истинные лица предстали бы перед собравшимися. Невозможно и волноваться и отводить людям глаза да ещё сразу на двоих человек. У меня даже голова заболела от напряжения. Поэтому я потупил взгляд и решил больше не разглядывать никого, как ни интересовали меня эти люди, особенно Марей, вызывающий мою жгучую зависть и ревность настолько сильную, что у меня туманился взор. Большой белый лебедь... Чёрт подери, так и есть... Белый в чёрных траурных одеждах, не позабыл, не оставил из сердца ту, кого я считаю своей, и хочу считать так вечно, потому что жизнь наша вечна, а твоей, Марей-царевич, али Могул, как ни назови, осталось от силы ещё лет на двадцать-сорок... нет-нет, не думать...

Мы вошли в почивальню царя Галтея, громадная кровать на постаменте, молодая девица красивой наружности, остальные поодаль, слуги, лекари...

Я заметил, что Эрик неотрывно смотрит на царя, лежащего почти безучастно на высоко поставленных многочисленных, но смятых подушках. Что царь Галтей бледен в желтизну и очень худ, кожа буквально обтянула череп. Он смертельною хворью захвачен, я это вижу изда-лека, Эрик тем более...

Эрик обернулся по сторонам, посмотрел на Марей-царевича.

– Царя смерть держит за руку, Марей-царевич, – очень тихо произнёс он. – Я могу отодвинуть её, продлить ему жизнь сколь захочешь долго, но то не будет прежняя здоровая жизнь уже, немочь и страдания будут с ним постоянно день и ночь.

Марей-царевич побледнел.

– Мне сказывали, ты кудесник, Сингайл Лёд. Верни здоровье моему отцу, сколь хочешь золота возьми за то.

Эрик долго молча смотрел на него и, наконец, произнёс:

– Здоровье и силу могу вернуть, но ненадолго, на... на год-другой. А после он умрёт внезапно без мук и страданий. Так ты согласен?

Марей-царевич просиял, даже руки молитвенно сложил.

– Согласен! Верни его нам! – восторженно произнёс он, выдыхая.

Эрик кивнул, отворачиваясь.

– Пять мешков золота прикажи отправить в условное место, где ты письмо своё оставил, – невозмутимо сказал Эрик, уже не глядя на него.

– Да-да, сейчас же прикажу...

– Вот и ступай, приказывай, – ровно проговорил Эрик, поднимая руки к поясу, снять его собрался?.. – А теперь пусть выйдут все. Я на Ту сторону пойду, договариваться со Смертью, ежели кто останется здесь, Она заберёт.

Все побледнели, торопая, включая меня, такого я не ожидал, нашего отца он некогда исцелил в одно мгновение....

Эрик на миг обернулся на меня и сказал:

– Ты тоже иди со всеми.

– Но ты... – неуверенно произнёс я.

– Иди, – сказал он. – У двери жди меня.

Я всё же не решался, но Эрик уже отвернулся от меня и повторил:

– Иди, не бойся, со мной ничего не будет, а вот ты... ты беззащитен против Неё.

– Почему?

– У меня договор с Нею. У тебя есть такой?

– Нет...

– Вот и убирайся, – повторил он. – От двери не отходи, как стукну изнутри...

Он посмотрел на меня, и я понял, что он хочет сказать.

Ничего не осталось, как выйти со всеми и встать сейчас же за высокими дверьми почивальни. Я заметил, что Марей-царевич удивлённо смотрит на меня, разговор наш с Эриком расслышал? Я улыбнулся толстыми губами своей маски сисястой девицы.

– Ты кто ему? Жена? – спросил Марей-царевич.

– Не-е, такось... помочница, – сказал я, продолжая улыбаться.

– Часто он так вот...?

Я покачал головой:

– Сам-то как думаешь, Марей-царевич? – делая вид, что я знаю, а ведь я представления не имею, часто ли мой брат так вот ходит за Завесу...

Он смутился глупого вопроса и перестал расспрашивать.

... Я подошёл к постели Галтея. Как страшная болезнь изменила тебя, бедняга... Ты никогда врагом мне не был, как друга принимал меня, хотя гнёт моего золота тяготил тебя, лишал власти. Твой сын отнял у меня всё золото, всю власть, изгнал прочь из города, едва не убил. Но я не держу на него зла, как ни странно, в этом благословение предвечных – нам легко прощать вас, смертных.

– Галтей, посмотри на меня, – сказал я, наклонившись над ним. – Галтей...

Он шевельнулся, возвращаясь из своего забытья, его лицо, исхудавшее, обтянутое такой тонкой кожей, что казалось, если её коснуться, она лопнет, начало оживать, веки задрожали, но я предупредил их движение, прошептал:

– Не открывай глаз, не время, пока слушай меня... только слушай, внимай.

Он замер послушно. Но губы шевельнулись, он хотел что-то сказать, но я не дал ему.

– Не говори, – тихо, в самое ухо прошептал я. – Сей день со словами станешь терять силу, не говори ни слова до завтрашнего рассвета. Потерпи, Галтей, ты никогда болтуном не был...

– Сил... ты же умер... – всё же прошептал Галтей, узнавая меня.

– Верно, – прошептал я, улыбаясь. – Я и говорю с тобой Оттуда...

– Ты пришёл за мной?.. – без страха спросил он. – Вiniшь меня? Сил... я не знал... я был против...

– Не говори, Галтей, я же сказал, молчи. Я не виню и пришёл, не для того, чтобы увести тебя Туда, туда не нужны проводники, Смерть справляется без подручных. Я пришёл, чтобы ты остался. Подожди... задержи дыхание и помолчи, пока я говорю с Ней...

Я закрыл глаза, выпрямляясь. Отодвинуть Завесу несложно, но я так давно не делал этого... Не делал, потому что... Потому что там Ая, а я...

Но сейчас надо сделать то, зачем я пришёл, после... всё после...

Я открыл глаза за Завесой. Здесь полумрак сегодня, и тени умирающих колышутся поблизости... Я обернулся по сторонам. И увидел совсем бледную тень Галтея, я не ошибся, он уже почти переместился сюда...

– Вечная! – воскликнул я, призывая повелительницу этого царства. – Отпусти на время этого человека!

Она отозвалась немедля:

– Нет. Ты знаешь порядок. У каждого свой срок, предвечный Эрбин. Только у таких, как ты срока нет, потому что нет пути... – был мне ответ, данный сгустившимся воздухом вокруг меня.

– Я не прошу отпустить его без срока. Отпусти на время. Хотя бы на год. Дай отсрочку.

– Что ты дашь мне за это?

Я уже приготовил ответ на этот вопрос:

– Двадцать три года назад день в день я отдал тебе его первого внука. Отправил к тебе до срока, даже до рождения. То была не его смерть, он должен был родиться, ты знаешь, и воцариться на троне после своего отца, но я не дал тому случиться...

Тишина повисла, будто бы на несколько мгновений возникло замешательство. Будто Она размышляла принять ли условия договора. Но перевес на моей стороне: жизнь нерождённого была подарена Ей за так и тогда я ничего не попросил за это.

И вот, заговорила снова.

– Ладно, Эрбин, хотя и не по правилам, но приму твоё предложение засчитать ту смерть за год отсрочки этой. Но учти, предвечный, это вовсе не потому, что ты кого-то отдал мне до срока, не думай, что ты управляешь судьбами, ты предвечный, но не Бог. Ты такой же инструмент, как меч или яд, запомни... А потому будешь должен мне.

– Должен? – немного испугался я. – Чего ж попросишь?

– Увидим. Но дорого не возьму, не беспокойся... всё же ты платил мне: твоя бледная тень и твоего брата бродили тут у меня в преддверии двадцать лет тому, то чего-то стоит тоже, – будто ухмылка в голосе. Может она насмеяться?..

Мне стало не по себе от воспоминаний о том, как лежал при смерти, значит «бродил здесь»... но этого не помню.

– Помнишь, Эрбин, во сне тебе это является иногда, наяву не помнишь потому, что слишком много жизни в тебе...

Я не хотел рассуждать с Ней об этом, тем более вспоминать или воображать то, как полутьню бродил в её царстве.

– Благодарю, Царица Тьмы, – сказал я, уже намереваясь вдохнуть и выйти отсюда.

– Может... – сказала она, инно с сомнением, – хочешь ещё чего-то? Повидать кого?

Я замаялся, если я попрошу Аяю мне показать, захочу ли возвращаться отсюда к жизни? Не захочу ли тогда остаться здесь с ней?..

– Нет, – сказал я, с трудом заставив себя.

– Нет? – Она испытывает меня, ведь знает мои мысли и ждёт, что я попрошу, заманивает.

– Нет.

– Подумай хорошо, Эрбин, я редко предлагаю...

Да-да, заманить хочет. Ещё бы такая добыча – предвечный, добровольно оставшийся здесь, живой среди мёртвых...

– Она не мертва. Её нет здесь.

– Что?! Как это нет!?! – вздрогнул я.

– Среди мертвых её нет.

– Я же видел...

– Ты видел то, что тебе показали. Что видели другие.

– Тогда... – сердце забилося сильнее от гнева. – Кто обманул меня?!.. Покажи мне Мокшена...

– Не получится тож... Тухлые опшметки, что были душами твоих рабов, развеяны вовеки, слава Богам, мне здесь меньше смрада... Не с кого тебе спросить, Эрбин.

– Развеяны? – о таком я слышу впервые. Развеять мёртвые души, кому это могло быть нужно? Да и кто способен на такое? Это ж силу какую надо иметь?..

– Во власти сильного чувства даже обычные люди становятся подобны Богам, что уж говорить о предвечных, – довольная моим удивлением и замешательством, проговорила Она.

И, помедлив, добавила:

– Твой брат развеял их.

– Арий?! С чего это его обуяли чувства против моих мёртвых рабов?

– Ну... это ты спроси у него. В ваших душах я не чтица.

И я вдохнул, наконец, выходя обратно на белый свет. Галтей в изумлении смотрел на меня, приподнявшись с подушек. Я и забыл, что пришёл сюда, чтобы спасти его от неминуемой мучительной смерти.

– А... Галтей... Год тебе дан на радость самому и твоему сыну. Его благодари, истовое прошение слышит даже Смерть. Прощай!

Я направился к дверям. Слишком странным, удивительным оказалось это путешествие за Завесу, чтобы я сейчас мог думать о чём-то кроме загадок, что вновь посеялись в мою душу.

– Сил!.. – по-прежнему изумлённо позвал Галтей.

Я обернулся.

– Что ж за неугомонный ты человек, Галтей, даже Смерть уступила колготу такую! – пробормотал я. – Спи теперь, желвь твоя к утру рассосётся, здоровый встанешь, любиться, радоваться будешь как молодой... Всё!

С моим словом «всё!», он упал на подушки, уснув. А я подошёл к двери и едва не вышел в неё без стука, совсем забывшись в своих мыслях.

Глава 4. Свой путь

... Эрик вышел странный, почему-то удивлённый, будто что-то чудное увидел там. И рассеянный.

К нему бросились волною все, кто был в покоях, расступившись перед Мареем-царевичем.

– Что скажешь, Сингайл?

– Год ещё ходить в царевичах тебе, Марей, год подарен отцу твоему. Но через год, не обессудь, Смерть заберёт его единым мигом, – сказал Эрик, которого я перед всеми опять представил древним беловолосым старцем. – До утра не беспокойте его, сон сейчас его лечение.

Марей-царевич просиял чудесной улыбкой, молодея сразу на много лет, светлея лицом.

– Сингайл!.. Благодарю тебя! Благодарю! – восторженно воскликнул он. – Чего хочешь, проси у меня!

– Попросил уже, – ответил Эрик, даже не взглянув на него.

– То золото уже отправлено. Но что золото, когда...

– Довольно, Марей-царевич, – Эрик строго взглянул на него, будто на маленького непоседу. – Бывай здрав, и прощай.

Он посмотрел поверх голов и произнёс на всю обширную горницу:

– Все прощайте! Не дай нам Боги опять увидиться, чью-то смерть уговаривать...

После этих слов все расступились перед нами, пропуская к дверям. Мы вышли, уже никем не сопровождаемые и долго шли по коридорам. И как Эрик, который и по сторонам-то не глядел, находил тут дорогу, не пойму... мы вышли с ним на крыльцо, где нам почтительно поклонились стражники, наши лошади уже были готовы, конюшие держали их под уздцы. Ни Эрик, ни я садиться в сёдла не стали, пошли так, ведя коней вповоду, спустились в город, и весь этот путь Эрик проделал молча, сосредоточившись на своих мыслях. И только в гуще леса уже вдруг качнулся и остановился, опираясь на дерево.

– Что с тобой? – я тронул его за плечо, он повернулся ко мне, тут отводить глаза некому, мы уже самими собой глядели друг на друга.

Он очень побледнел, пот выступил у него на лице, Эрик поднял на меня потемневшие глаза.

– Отдохнуть надо, Ар... Силы Та сторона вытягивает как ничто... – и опустился на землю, опуская голову на руки, опершись на колени.

Я сел рядом с ним, протянул ему флягу, наполненную целебным мёдом, придающим сил в таких случаях.

– Ничто... ничто оно и есть ничто, – сказал я.

Он покачал головой.

– Ты ошибаешься, там совсем не ничто... – тихо проговорил он.

Я не стал спорить, я не спешу узнать, каково Там. Мы сидели рядом, прижимая спины к стволу старой берёзы. Кони пощипывали траву в стороне. Сухая трава покалывала лядви сквозь тонкие штаны. Солнце только перешло на вторую половину дня, а мы уже возвращаемся, это славно. Ая довольна будет, я не люблю оставлять её одну, мы везде ходим вместе все эти два десятка лет...

– Ар... ты... – Эрик снова сделал глоток из фляги. – Ты развеял души моих мёртвых рабов. Чем они достали тебя? Чем эти ничтожные могли тебя достать?

Каких рабов, что он городит?

Эрик, всё ещё бледный, посмотрел на меня, и сказал снова странное:

– Ты не ври зря. То, что ты сделал это, меня не трогает, я убил их своими руками, насладившись тем, как их вонючая кровь текла по моим рукам до самых локтей. Но почему ты

встретился с ними? Почему ты развеял их мёртвые души? Где вообще ты мог повстречать их, ежли ты на Ту сторону не ходок?

Вот уж в чём обвиняет меня вовсе не пойму... И ведь говорит серьёзно...

– Али врёшь и таскаешься туда-сюда зачем-то? С тебя, паршивца, станется, вечно какие-то новые знания обретаешь и таишь от меня... Чего ты ходил туда? Откуда Смерть знает тебя так хорошо? – он прожигал меня глазами.

– Эр, я не понимаю ни слова из того, что ты сейчас говоришь, и о чём... Я сроду за Завесой не был! – сказал я, чувствуя, что один из нас сошёл с ума или остался во власти ещё не этого мира.

Но он, прищурившись, смотрел на меня, не веря ни одному моему слову.

– Какая же ты сволочь всё же! – наконец прошипел он. – Вот убеждаюсь в сотый раз, а всё надеюсь на иное, всё иду к тебе, холодная жопа, за братским теплом! Всё... Что ты врёшь мне сейчас? От чего пытаешься мне глаза отвести? Что прячешь? Новые дары обнаружил в себе и не хочешь открыться, зависти, что ли, моей боишься? Когда научился на Ту сторону ходить?

– Да ты что, Эрик? Обалдел что ли? Что ты там увидел такое? – до чего сложно отвечать за то, в чём не только не виновен, но и не понимаешь даже, в чём винят тебя...

Эрик отвернулся, зло оскалившись, и проговорил, прижимая затылок к толстой коре старого дерева, прикрыв глаза:

– Зубы бы выбил тебе сейчас, да самому тогда шамкать придётся целую вечность, у-у-у... – хрипло выдохнул он.

Я предпочёл промолчать, кто его знает, чего стоит такое избавление от смерти, вот и помешался. Пройдёт... Эрик, действительно, задремал от слабости, соскользнув головой мне на плечо. Так мы просидели довольно долго, я не беспокоил его, позволяя набраться сил, иначе, пожалуй, пришлось бы тащить его на себе до его дома, а это далеко, а мне домой хотелось поскорее...

Проснулся Эрик на закате, выпрямился, выдыхая, огляделся. Я потянулся, расправляя затёкшие члены, и поднялся на ноги. Он посмотрел на меня.

– Долго сидим?

– Порядочно. Ночь скоро, пойдём, Эр.

– Что спешить? Баба тебя добрая разве дома ждёт? Я не увидел никого... – он тоже поднялся.

Отряхнул зад, расправил рубашку, волосы пригладил и снова посмотрел на меня.

– Да ты и в этом лжёшь, – зло дёрнув губой, сказал он. – Точно ждёт какая-то, мне даже не показал... Боишься, отберу? – он усмехнулся. – Правильно, бойся, даже если кривая карга, назло приду и отберу у тебя, лживого гада!

– Боги! Да что ты взъярился-то?! На что? – не выдержал я.

– Пошёл бы ты к чёрту, лживая сволочь, паршивая дрянь! Вечно за дурака меня держишь! Всю жизнь всё тайком... Я к тебе всем сердцем, а ты всё норовишь кусочек пожирнее оттяпать и тайком проглотить! – прорычал Эрик.

Я разозлился тоже, и меня уже за сердце взяло то, что он обвиняет меня сам даже не пойму в чём, подозрительность какая-то, как у безумца. Только он вовсе не безумен, вот что хуже всего в этом разговоре, в чём-то убедил себя и теперь его не сдвинешь.

– Знаешь, Эр, не я сегодня пришёл к тебе и просил о помощи, ты пришёл и я помог, – весь кипя, но очень тихо сказал я. – Чего ты теперь взбеленился, я не могу понять, сдурел там, на Той стороне... ну так прояснятся мозги, сам придёшь, помиримся. Ну тебя к лешему!..

Я развернулся и пошёл прочь от него до своего коня, вскочил в седло, вызвав недовольный храп Звёздочки, резкостью своих движений, и шлёпнул её по крупу ладонью, хлыстов мы с Аяей не держали. Скорой рысью поспешая домой, потому что хотя и огорчил меня Эрик возвращением своей непонятной неприязни, всё же думать об этом мне было уже недосуг, я хотел

поскорее попасть домой, где так тревожно мне оставить мою «добрую бабу», как выразился Эрик. Показать тебе, да шас!..

Я смотрел вслед удаляющемуся Арику, и злился всё больше, чувствуя, что он скрывает значительно больше, чем я мог подумать. Всё же какой гадёныш мой брат! Вечный и непревзойдённый гадёныш! Всегда и во всём хотел быть выше и сильнее меня! Нет, я достану тебя, погоди...

...Да он и не придёт, уж вечер, вон как надолго ушёл и не сказал даже куда и зачем. Конечно, то брат, а кто ты? Кто ты такая? Сколько эдаких перебивало у него за его долгую жизнь? Бесконечную жизнь... Он и счёт давно потерял им...

Им... Не «им», а нам, чем я отличаюсь от всех, такая же временная, как всё у него. Как жёны, семьи... и даже дети.

Уйти пора. Он тяготеет, вот и не показывает брату. Про яйцеголового чего-то вспомнил... Нарочно, чтобы уколоть меня, указать моё место. Ведь я... Конечно, считает потаскухой, если боится с братом познакомиться, думает, за любым пошла бы только золотым браслетом помани, как вчерашний, как там его звали... Гайнер... А они и верно, липнут, как мухи. Вот только я не мёд, я...

У меня с гудением разболелась голова от слёз, от обиды, от запутанных мыслей, от расстрескавшихся вдруг чувств. Я взяла большой платок, тканый из тонкой шерсти, расстелила его, намереваясь в него увязать мои вещи, что на первое время понадобятся. А там... А там видно будет. Когда ещё собиралась к какой вышивальщице податься... настало время. Не надо дожидаться, пока он погонит, потому что тогда не пережить, сердце остановится, ежели он скажет: «иди прочь, постылая»... Мне больно даже думать о том. Самой уйти надоть...

Давно, давно надо было. Что тянула? Думала, любит тебя? Глупая ты! Которая ты по счёту у него? Любит, не смей! У Маррея была первой и то, как поступил он?..

А если и этот вот так продаст кому? Может не за деньги, так за что другое. У него до злата алкоты нет, до знаний есть, как у меня, до могущества... Мало ли, кто разохотится на мой счёт, что же ждать, пока опять возьмут власть надо мной?.. Меня передёрнуло и замутило от этих мыслей.

Я почти без сил собирала в узелок две пары тёплых чулок, золота пару горстей в отдельный узелок завязала, простит, небось, за кражу, несколько платьев, душегрею... Села, задумавшись, что ещё надо. Ничего не надумала, связала узел. И подошла умыться к рукомою, а над ним зеркало, Арий много лет назад приладил. У нас вообще много зеркал теперь было, и на печи одно висело, и в простенке, и настольное, и ещё одно в серебряной раме с красивой ручкой, украшенное драгоценными камнями. И вот, когда я распрямилась, умывшись, что-то, нет, кто-то мелькнул у меня за спиной в правдивом стекле, я обернулась, но никого со мной рядом не было. Показалось, должно... хотя, я так ясно видела чьё-то усмехающееся лицо. Или только усмешку?.. В голове мутится, похоже.

От головной боли клонило в сон, но уже вечереет, куда спать? Надо отправляться, тогда до темноты в ближнее село успею, переночую у какой старухи, может, и вовсе у себя оставит...

... Я почти бежал к дому. Не тревога, настоящий страх, что дома неладно, гнал меня всё быстрее. И вот, даже не расседлав Звёздочку, я взбежал на крыльцо, уж вечереет, а в окнах ни огонька...

На пороге мы столкнулись с Аяей, заплаканной, какой-то растрёпанной, и с узлом в руке. – Что это? – спросил я, отступив на шаг.

Он лохматый и бледный, волосы от пота намокли, пот на лбу, глаза белые, что так бежал? От кого? Не успела я...

Сейчас скажет, любит, руками хватать начнёт, а ты и поверишь, растаешь, потечёшь... Опять поддашься, поверишь, слюнявая слабачка, какая ты предвечная, ты всего лишь тряпка, послушная кукла в его дому. Он заменит тебя на другую за два дня...

... Уйти собиралась? Уйти от меня? Куда? К кому? Кто увлёт её? Почему растрёпанная такая, что тут было? Кто трепал её... Кто он? Где схоронился? Али... в лесу где ждёт?

– Ты... – задыхаясь, проговорил я, не зная, что сказать дальше.

А голос в голове услужливо подсказал: шлюха она, Мареева ещё шлюха! К кому податься намерилась? К Марее? Али к богачу вчерашнему? Конечно, всё золото любой отдаст за красу эдакую... Что ты ей, отшельник замшелый, уху тебе варить, да рубашки шить, опостылел за столько лет...

– Куда... идёшь? – осипнув, проговорил он.

– Не мешай, Арий, нечего мне больше делать здесь.

Он и не подумал мешать, отошёл в сторону, пропуская меня.

– Что ж ты... Тайком уйти хотела? – проговорил он, пока я натягивала постопы. – Одежи не взяла совсем... Али тебе незачем эту простую брать-то, небось, золотом шитую посулил?

– Посулил? – переспросила я, не понимая, а потом догадалась, что он всё о вчерашнем приставале, и усмехнулась, вот и всё, что надо ещё? Так и считает, что я продаваться пошла. Ах, Огник... А говорил, любишь. Хотя когда и говорил-то... Ужо позабыл про то...

И я промолвила ответно:

– Ну, конечно, что я тут в лесу, как медведиха засела. Я тоже на людей поглядеть хочу. Двадцать с лишком лет торчу хуже кикиморы... – дерзко и даже с вызовом сказала я, задираясь.

– Потому и детей не рожала мне... – шелохнулся он и взялся за дверь в горницу. – Ступай, что ж... скатертью дорога...

Я вышла на крыльцо и пошла на подгибающихся ногах, такая слабость овладела мной. Куда я иду... куда? Как я без него? Я ведь люблю его так, что дышать не могу не видя его лица, не слыша голоса, не касаясь... Как я вечно буду без него?.. Я не могу без него... Даже света нет без него... Всё померкло разом... Огник...

...шажки лёгкие по доскам на крыльце... немедля краска вся с дома облезет без тебя, вся жизнь моя полиняет и кончится без тебя, ни души, ни сердца не было и нет у меня без тебя... куда ты, Аяя, я умру без тебя... жить не стану один...

...Что это? Тьма надо мной... Ты отпустил меня? Огник... всё... я умираю...

И вдруг всё тот же знакомый голос, что говорил во мне весь день, вышел из моей головы и засмеялся рядом.

– Нет, не умираешь, мне дохлятина ни к чему, ты мне нужна живая! – сверкая невыносимо прекрасным сияющим лицом, захохотал Повелитель Тьмы.

Я похолодела, дрожа, я думала, я была уверена, Он давно утратил интерес ко мне...

– Не-ет! Нет, Аяя! Селенга-царица, никогда я не оставлю тебя, не надейся!.. Взбесится полмира из-за тебя, как я могу упустить такое оружие против людишек?! Против душ их слабых?!.. Что, надеялась, любовью своей Арий предвечный уберёжёт тебя? Как щитом прикроет? Не жди! Он любит одного себя!

Великолепные громадные крылья взмахнули, окончательно погасив дневной свет, будто задули солнце... Он, обнажённый, как всегда, в этой наготе совершенный, победоносно смотрел на меня, приближаясь.

– Он упился уже тобой, как зелёным вином, ты опостылела ему за столько лет, что ему с тебя? Сбыл бы с рук, продал, но хочет самому себе благородным казаться... Галалий Огнь... Так что верно ты вышла от него...

– Нет... Что Ты... Огнь... – бессильно прошептала я, задыхаясь, словно он ногу мне на грудь поставил.

Он опять захохотал, обнажив свои белоснежные зубы.

– Огонь? Да где же он? Хладнее льда твой Огонь, Ая! Идём со мной, блистать будешь! Блистать так, что затмишь солнце! На троне твоё место!.. С царями царице быть!..

– Не нужны цари мне, кроме моего Огня! – прошептала я, готовая умереть за эти слова, если захочет Он меня убить. Я живу уже давно, можно и умереть, если пришла пора такая...

Но он разозлился, сверкнул глазами, как раскалёнными углями, будто что дунуло на них.

– Упрямая! Какая же ты... – свирепея прорычал он, – глупая, упрямая девка! Что тебе в нём? Он уж забыл тебя, не успела и порога переступить!

– Умру тогда... умру и всё, коли... коли так... коли забыл... – я сжалась, плача.

– Лжёшь всё! Опять лжёшь, Нечистый! Поймать решил нас! Разлучить и...

Это он, он мой Огник! Мой Огник, Арий мой! Как я могла подумать такую глупость о нём, как могла подумать, что он не любит меня?!..

Да, это я был. Я выскочил на крыльцо, услышав её удаляющиеся шаги, надеясь образумить, остановить, и увидел Его. Тут я всё понял, и в моей голове голос, знать и в её был он же, что заставил её собраться уходить от меня. Поймал Он нас, как и обещал в мгновение слабости, учуял и тут же не преминул воспользоваться...

Он обернулся ко мне чудовищной рогатой головой, и огонь двумя струями вырвался у него из ноздрей и потёк между громадных загнутых зубов, как едкая слюна.

– Опомнися... – разочарованно прошипел Он.

А я увидел Аяю, сжавшуюся на земле у крыльца, она зажала рот руками, боясь, что Он услышит её всхлип или даже дыхание и вспомнит о ней, снова обернётся и...

Он и обернулся, Аяя зажмурилась, будто готовая принять на голову сокрушающий удар, но я предупредил его, хотя не думаю, что Он убил бы её, Он сделал бы хуже... И я, взмахнув рукой, линул в него огня, огненным мечом ударил, как делал уже когда-то. Он злобно зарычал, поворачиваясь опять ко мне.

– Что мне твои глупые вспышки, Арий? Подумаешь, кудесы предвечного, кого ты напугаешь ими? – насмехаясь, проговорил он, однако ж, отступил.

И взмахнув подпалёнными мной крыльями, взмыл вверх, крича напоследок:

– Упорствуете, предвечные, подчиниться не хотите!? – его рёв разнёсся по лесу, отразившись от скал вернулся в наш двор. – Так поплатитесь: всё царство ваше утоплю в крови, в огне за мои подожжённые крылья, Арий!..

Но я уже не слушал его ужасных угроз, я бросился к Аяе, она, вздрогнув, оторвала руки от лица и обняла меня, цепляясь, прижимаясь всем телом.

Я поднял её на руки. Узелок так и остался валяться. На скалистый лес накатилась гроза, едва мы вошли в горницу, загремела, загрохотала прямо по крыше просыпанной каменными горошинами. И бушевала всю ночь, так что к утру узелок не просто вымок, он превратился в ком тряпья, перемешанный с грязью, раскисшей под травой на дворе. Тут я и нашёл его, когда вышел на рассвете кормить скотину.

Но то утром, а сейчас под звуки обрушившейся бури, мы с Аяей обнялись покрепче, ввалившись в горницу. И она, и я были виноваты одинаково, оба понимали это, в минуты сомнений Он и ловит нас, и как мы избежали гибели сегодня?..

– Я умер бы, если бы ты и правда ушла, – прошептал я, наконец, глядя в её мокрое от слёз лицо. Пальцами коснулся горячих щёк, стирая слёзы.

Она затрясла головой и сказала:

– Я не прошла бы и ста шагов... Огонь, ты... ты...

– Прости, что ты опять смогла услышать Его, что я... я что-то сделал? Что Яй?

– Мне показалось... Я решила... – она посмотрела мне в лицо. – Ты стыдишься меня?

– Я стыжусь тебя?! – изумился я, отодвигаясь, чтобы лучше разглядеть её лицо. Как такое могло зайти в её мысли?!

– Ты стыдишься, что я... грязная... шваль из самых грязных... что я... что меня... это же...

– Да ты что?! – оборвал я бессвязную глупость её речей. – Что такое говоришь-то?

– И... я ведь... Я... так... с тобой... наслаждаюсь с тобой всегда, всякий раз... ты мог подумать, что я... со всяким так же... Что то, что меня привело к тебе, что я...

Меня кольнуло в сердце. Верно, в ревности своей я почти дошёл до этой мысли. Вот, что ужасные мысли творят...

– Яй... – я прижал её к себе.

– Ты спрятал меня от брата, со стыда, что живёшь с такой... с такой... с такой, кого купить пытаются на каждом шагу, пристают... всякие яйцеголовые...

Боги, какие страшные мысли... Аяя всхлипывала, растирая слёзы по щекам, но они всё лились. Я снова погладил её лицо, горячее, мокрое, поцеловал, снимая слёзы губами, они даже не солёные почти, горячие, как расплавленный металл, будто из самого уязвлённого сердца льются.

– Я тебя из-за ревности спрятал, Яй. Эрик... он обязательно запал бы на тебя, как все, как все и всегда... Да и... – проговорил я, вспомнив сегодняшний наш с ним дурацкий разговор. – Да и не западёт, а непременно к тебе ползет, чтобы только меня уязвить, пообещал уж... И начнёт опять враждовать, опять козни злые строить. И так злится на пустом месте всякий раз.

– Что, поссорились с ним? – спросила она, переставая, наконец, плакать.

– Да ну его, Яй! – сказал я.

И подумал и о Марее, и о Галтее, и о Том, Кто взмыл на чёрных крыльях от нас, обещая вернуться и погубить... что Он погубить хочет?.. чёрт, прослушал я, только и думал, как Аяю из-под его когтистых лап выдернуть.

– Да ну их всех!

И я поцеловал её, её распухшие от слёз губы, и она жарко ответила мне, с желанием и ответным огнём. Вот обещал Ты, Нечистый, что вечно она холодна ко мне будет, а не так всё! Не так!.. много лет уже не так! задыхаясь от счастья, думал я, подхватывая Аяю с собой в давно веданные нам с ней вместе высоты блаженства...

Глава 5. Приход и уход...

Сказать, что злюсь на Арика на этот раз, ничего не сказать! Я к нему со всей душой, распахнулся, как говориться, а он опять всё скрывает, врёт, лицемерит, всё тайны какие-то от меня... меня даже трясло от злости. И ведь рожу гаду не набьёшь...

Чёрт с ним, пусть провалится сам и со всеми своими секретами и враньём!

Я занялся тем, что отправился в Каюм обольщать Игриву. Уже через месяц она просыпалась в моих объятиях в моей долине, и я надолго забыл и об Арике и о моей злости на него.

Переделку терема я успел окончить ещё до того, как Игрива воцарилась в нём со всеми своими сундуками, в которых были богатые наряды, подаренные мной, украшения, ленты, сапожки.

– Теперь я жена тебе? – спросила Игрива.

– Конечно, – улыбнулся я, намереваясь снова опрокинуть её на спину, потому что утро было хмурое, по крыше стучал дождь, и я не видел, чего ради, так рано вставать с постели.

Но у Игривы вовсе не такое было настроение. Она выпросталась из моих рук и, поднявшись, набросила большой платок на плечи, сквозь который просвечивала её прелестная юная нагота, обошла почивальню кругом. Обернулась на меня.

– Ты такой богатый, где же прислужники? Попрытались? Что с хозяйкой не познакомишь? – спросила она.

– Прислужников нет, Игрива.

Она надула капризно ротик и захлопала глазами:

– Как это нет?

– Неужто дочка вдового многодетного кузнеца привыкла к прислужникам? – спросил я, спуская ноги на пол.

Нечего и надеяться, конечно, что она вернётся в постель и позволит мне ещё насладиться её приятной кожей, прохладной и гладкой, своей спокойной манерой, с которой она позволяла мне касаться себя. А досталась она мне, между прочим, не девицей, кто-то успел сорвать её невинность. Впрочем, Игриве двадцать лет, в такие годы у женщин и по трое детей бывает...

Она покраснела немного и сказала, отводя глаза:

– Да не привыкла, конечно, но...

Я надел штаны, и, натягивая рубашку, подошёл к ней.

– Думала, коли я богатый такой, так жить будешь без забот?

Она пожала плечами.

– Только потому и пошла за меня?

– Ну не токмо... – немного всё же смущаясь, сказала она. – Ты вона... какой, красивый, молодой, а мне какой жених мог достаться? С железными пальцами только...

Я засмеялся:

– Не хотела, стало быть, за такого, как отец, за кузнеца?

Она вздохнула смущённо, села на лавку.

– Дак-ить... был жених у меня, как раз из кузнецов, весь будто железный... Да за месяца до назначенной свадьбы угорел он в кузне...

– Как же он в кузне-то? Уснул что ли?

Она пожала плечами:

– А кто же его знает? Холодно было, дверь закрыта оказалась, а там он... Может, выпимший был...

– Позволял себе такую слабость? – я сел рядом, обняв её за плечи.

Она кивнула, притулилась ко мне.

– Бывало, чё же... Но так-то хороший, не злой, не забижал бы. А лапы железные всё ж... У тебя руки-от тёплые, мягкие, – она взяла мою ладонь в свои, погладила и улыбнулась уже мен в лицо.

Я засмеялся, поцеловал её в волосы, потрепал её по плечу ласково:

– Ты не думай, Игрива, упрекать им не стану. И прислужников тебе найду, коли хочешь.

– Да не хочу, что я работы, что ли, боюсь, по-твоему?..

Вот в этот час она полюбилась мне, всё же не ошибался я с женщинами ни разу, когда по душе выбирал.

Помощниц я взял для неё, терем стал больше в два раза, уборки одной сколько. К следующей весне Игрива огород завела, а там и за скотину спросила.

– Ты что же, в хлеву охота возиться тебе? – удивился я.

– Дак-ить... своё всё будет, тебе не придётся мотаться по базарам, покупать еды.

– Ты за плуг ещё меня поставишь, – засмеялся я и разрешил только кур и гусей с утками.

Игрива была грамотной, могла написать мне записку, но, увы, не интересовалась накопленными мною сокровищами книг, хранившимися у меня в светлице, садилась там с рукоделием, как и положено, вместе с помощницами. Она удивилась даже, когда я предложил ей чтение. Воззрилась на меня изумлёнными прозрачными глазами и сказала убеждённо:

– Разве бабе положено бездельничать, с книгами вашими сидеть? Отец душу бы из меня вышиб, займись я этакой-то ерундой. Письмо напишу, ежли надоть, расходы сосчитать – вот дело, а просиживать со свитками твоими... Да ты што, Сингайл? Совсем не женского ума это дело. Это вам, мущинам в облака-то мочно, а нам на земле стоять надоть крепко.

С её непоколебимой житейской логикой поспорить было невозможно. Она вообще очень прочно стояла на ногах во всех смыслах этого слова, мне даже казалось порой, что она старше меня, такой устоявшейся, уверенной она была. Но я никогда и не спорил со своими женщинами. Я их любил, принимая такими, каковы они были, не пытаюсь увлекать своими мыслями, своей жизнью или переделывать под себя. Да и как я мог этим их увлечь, что они знали обо мне? Что я Сингайл кудесник. Но и это забывали по моему велению после того как я расставался с ними и с детьми, отпуская доживать без меня свой век богатыми вдовами.

Теперь же, на другое лето от нашей последней встречи и ссоры с Ариком, Игрива была на сносях и должна была родить со дня на день. Носила свою беременность она тяжело, в отличие от прочих моих жён, и, если бы не я со своей Силой, померла бы от водянки, что одолевала её. Для излечения надо было бы вообще ей не беременеть, теперь же оставалось только терпеть, помогать и ожидать родов. Как странно, такая здоровая на вид женщина, оказалась почти не способна к материнству. Вот так бывает: мощное дерево в два обхвата, а внутри – труха. Во всяком случае, повторной беременности она могла не пережить. Но предстояло ещё пережить роды...

Предвидя, что роды будут тяжёлыми, я старался не отлучаться в последние недели. И проводил в тереме, а чаще возле него под кружевной сенью берёз все свои дни. Игриву располагал поблизости, она шила приданое будущему ребёнку, напевая, иногда Серая или Белая садились рассказывать сказки. Я редко пускался в разговоры, в мои истории, в которых не было ни капли вымысла о прошлом Байкала, например, и всех замечательных вещах, бывших некогда в Великом царстве моей первой молодости, они не верили, переглядываясь и перемигиваясь шутивно. Гораздо легче им верилось в домовых и леших, в драконов, дышащих огнём и царевен невиданной красоты, волшебниц и колдунов...

– Зыбку, однако, надо, хозяин, – в один из таких тёплых и покойных дней, сказала Серая, тощая старая дева, из двух сестёр, что помогали Игриве по хозяйству, а теперь и вовсе всё взяли на себя, потому что она совсем стала нехороша, и я запретил ей беспокоиться, только отдыхать в тени берёз, пить мои медовые настойки и слушать сказки, что рассказывала ей то

Серая, то Белая, вторая сестра. Маленькие и жилистые, они были сейчас куда сильнее крупной дородной Игривы.

Я посмотрел в её сморщенное не по возрасту маленькое личико и сказал:

– Будет зыбка вам, пускай родит.

У неё ещё больше побледнело блёклое лицо, чуть-чуть наклонившись ко мне, она спросила, понизив голос:

– Дурное предчувствуешь, Сингайл?

– Дурного не допущу я, не думай даже, – ответил я, разговоров о предчувствиях я не терплю, ими можно любую беду притянуть на свой небосклон. – Не будет дурного, даже думать не смей. А недосуг мне сейчас в город за зыбкой подаваться.

– Сам-то ручками белыми не могёшь? – чуть-чуть прищурилась Серая.

Этот вопрос смутил меня немного, вот ещё тоже, я стыдиться должен, что не простым мужиком, не плотником или столяром, а царевичем родился, и ремесла не изучал?

– Для каждого дела свой мастер, Серая, – сказал я, чувствуя, что краснею, вот ещё глупость...

– Оно конечно, прав ты, – согласилась Серая, но как-то так, что мне показалось, что вовсе не согласна она.

Однако, всего через несколько дней, своё небрежение ко мне, неумелому белоручке, забыла и Серая, и Белая. Игрива начала рожать с вечера. И сразу нехорошо, с сильных болей, что довели её до головокружения и рвоты. Пришлось уложить на стол, хотя старым девкам то не понравилось, но я шикнул на них, и на том ворчание прекратилось.

– Всё приготовьте и сами будьте готовы делать всё, что прикажу быстро и без прекословий, – строго наказал я.

Девки кивнули, бросились исполнять всё, и уже скоро стояли полностью готовые возле стола, одинаковые как воробьи на ветке. Я кивнул им ободряюще.

Сделав так, я взял Игриву за руку и позвал ласково:

– Открой глаза, милая, открой, не спи, в эту ночь спать не будем. После отдохнёшь.

Игрива открыла глаза, свет от ламп, обильно расставленных по всей горнице, проник ей в зрачки. Большая слеза набралась и скатилась к виску, потонув в густых волосах. Я вытер её мокрую дорожку.

– Гляди в глаза мне, Игрива, – продолжил я, легонько оглаживая её по волосам. – Ты гляди и слушай меня. Боли никакой не будет больше, а ребёночка выпустить надо. Мальчик большой, потому ему сложно путь его пройти, ты должна помочь. Ты – ему, я – тебе.

Она только пожалала пальцами мою руку, в которой я их держал.

– Вот и славно. А теперь поведём нашего мальчика... Ничего не бойся.

Она кивнула только и улыбнулась даже, потому что боли уже не чувствовала. Она слушалась, делал всё, как я велел, сосредоточенно хмурясь так, что даже морщина легла меж бровей. И к рассвету родился мой сын, которого приняли в свои руки две бездетные старые девушки. Лица их обеих сразу преобразились, засияв изнутри, и стали они прекрасны, как две волшебницы.

Я обернулся к ним, не выпуская руку Игривы.

– Детское место в огне сожгите, не хватало только зверёе привлечь. И займитесь мальчиком, а я...

Вдруг Игрива затряслась, и, выгибаясь дугой, заскрежетала зубами, синея, переставая дышать. Серая и Белая стали точно под стать своим прозвищам. А я отвернулся от них к умирающей. Я не отпущу тебя за Завесу, нет ещё там тебе места, я изменил твою судьбу, взяв себе, значит мне и решать когда пойдёшь на Ту сторону...

Я включил Силу в руки, в глаза и направил на Игриву. Разом расслабилось тело, она вдохнула, задышала ровно, покрывшись испариной.

– Всё-всё, больше не будет, – успокоительно произнёс я уже спящей женщине.

А после с помощью девок перенёс на кровать, они переодели её в сухую и чистую рубашку, укрыли и повернулись ко мне с выражением выжидательного восторга. Мальш, вымытый и завёрнутый, тихонько спал на печи.

– Теперь спать всем, – сказал я. – Всем нужен отдых. Проснутся, к груди мальчика приложить первым делом, молозиво ему нужно, а завтра поутру за зыбкою поеду.

Они радостно переглянулись.

И только через несколько недель рассказали, как перепугались этой ночью:

– Мы видали такое раз у нас в деревне, так и не разродилась баба... Ох и страшная же смерть!

– Ох и корёжило её.

– Выгибало, точно черти на вертеле заживо крутили.

– А ты баальник!

– Ишшо и какой! Баальник точно.

– Я-то думала – враки всё, сказки, не бывает таких. Ан-нет, бывает, вот он ты!

– Не то и к роженице тебя пускать не след, не для мужниных глаз сие таинство.

– Как же не пускать, када он сам Сингайл?

– Да, а мы не верили.

– Ага... хихикали ишшо, – они переглянулись, смущаясь.

Игрива тоже услышала их последние слова и сказала, выходя к нам с Заряном на руках, так мы назвали сына, родившегося на заре.

– Он не просто баальник, он сам Бог! – сказала она, лучезарно улыбаясь. Надо заметить, сама Игрива ничего не помнила о той ночи, когда родился Зарян, всё ей пересказали Серая и Белая, добавив от себя восторги.

Мне это не понравилось, я хотя и не человек в обычном смысле, но нельзя и предвечному равняться с Богами, накажут и ещё быстрее, чем простого человека.

– Что ты, Игрива! Все кудесы мои от Бога, не сам же я научился. Чем Бог наградил, с тем и живу.

Она улыбнулась гордо, мне не льстит их восхищение, ничего особенного, такого, чего бы я не делал раньше, я не сделал и в этот раз, когда не дал им с Заряном умереть. Но убедить сестёр в этом, и тем более Игриву выше моих возможностей, а потому я не стал больше и пытаться, пусть себе полагают меня тем, кем им вздумалось, мне не привыкать.

Жизнь наша потекла обычным манером, как всегда бывала у меня, когда нарождался очередной младенец. А ведь я всю жизнь живу женатым, только сегодня подумал. Меняются только имена и лица, а моё сердце, весь порядок моих мыслей и чувств неизменен. Так проходили все мои сотни лет, и скука смертельная, временами непреодолимая, неизбежно охватывает меня. В ней не виноват никто, кроме моей природы и благословения или проклятия быть бессмертным.

Ария навестить разве? Но, подумав о брате, я вначале обрадовался, а после разозлился, снова вспомнив его вечное ненавистное лживое лукавство. Всё же не отошёл я ещё сердцем, погожу пока со встречами...

Потому решил я съездить в Салаз на полдень, развеяться немного, гостинцев привезти и припасов пополнить, хотя обычно всё необходимое: крупу, муку, прочее пропитание покупали мы в окрестных сёлах и деревнях, ставших большими и жирными за эти годы, что я вынужденно отшельничаю.

Салаз город большой, шумный, построенный немного бестолково и дома низкорослые, в основном деревянные, не то, что в Авгалле, напоминающем Байкал и, в известном смысле, наследовавшем его погибшую славу. Подобен Авгаллу в приморье нашем только Парум, с похожим огромным дворцом и широкими площадями и улицами, в Паруме когда-то был культ

Солнца, в Авгалле – Моря, эти огромные древние храмы остались и теперь, так было заведено на востоке царит Солнце, у нас на западе – Море, разделение условное, всегда было условным, даже в худшие времена по всему приморью поклонялись наравне Солнцу и Байкалу.

И люди в Авгалле посмирнее, холоднее что ли. Салаз город-деревня, бестолково построенный, шумный, тесный, но весёлый. Торгуются легче, да всё со смешками, прибаутками и если пытаются объегорить всё как-то не по злой алкоте, а больше забавы ради, вроде того: поймашь али нет на обмане.

Ещё я любил прислушиваться к разговорам вокруг себя, напуская на себя вид деревенского простофили, чтобы расспрашивать, не вызывая подозрений. Вкупе с лохматой бородой и патлами, что я приделывал себе, чтобы скрыть лицо, это внушало людям доверие и желание просветить дремучего дурака. Вот так сегодня я услышал, и не у одной лавки, у нескольких и в нескольких рядах, как говорили схожее:

– Чудно, столько ножей наделали, впятеро против той седмицы, а раскупили все...

– А кожевники говорят, у них особых, многослойных кож заказали, приедут через месяц глядеть. И...

– И берут помногу.

– Да, кун не жалеют, даже и злата.

– Да кто? – спросил, наконец, я, хлопая глазами как можно достовернее.

Но в ответ только пожимали плечами, недоумевая:

– Дак «кто»? кто же знает, кто... С виду люди как люди.

– Хе! «С виду». И не с виду люди как люди, обныкновенные.

– Это верно, то-то, што обныкновенные. А тока...

– Што? – заинтересовался я.

– Чудные всё же... сурьёзные какие-то, будто стража али воеводы. А с виду обычные, вот энто и чудно.

Ничего я не понял из этих разговоров, кроме одного, что кто-то покупает слишком много разнообразного оружия и, возможно, доспехов. Кто и зачем, если сейчас приморье живёт спокойнее и жирнее, чем когда-либо. Никто уже не различал, как раньше, царств, и ведь как быстро все позабыли и вражду и неприятие, которые я подогревал когда-то для того, чтобы, забавляясь, досадить Марею-царевичу и разладить задуманные им перемены... так кто же и для чего готовится к войне в приморье?

Проехать надо по иным царствам, посмотреть, как там дела, быть может, я просто не замечал чего-то? Размышляя об этом, я засобирался назад.

Тороки мои уже были полны, когда вдруг на площадь, откуда я выезжал на улицу, ведущую из города, прискакал гонец в сопровождении таких же торопливых всадников на взмыленных лошадях, одетых как гонцы из Авгалла. Я задержался, оборачиваясь. Что-то произошло очень важное, если гонцы Авгалла примчались таким образом в Салаз. И не связано ли с неясными слухами, бродящими в здешних торговых рядах. Вместе с другими любопытствующими я потянулся ближе к дворцу, в надежде, узнать с какой целью приехали в такой спешке вези из Авгалла.

Всё разъяснилось довольно быстро. Толпа на площади недолго шумела в недоумении, на богато украшенное деревянное дворцовое крыльцо вышли несколько человек, не сразу, но я узнал их, это был царь Салаза Аккин его старшие сыновья, царица и воевода. Последний дал знак ещё одному, видимо это у них некий распорядитель, может быть, главный глашатай. Он вышел вперёд всех и провозгласил необыкновенно зычным голосом, странным в таком небольшом человеке:

– Жители Салаза! Царь царей Байкальских Могул обращается к вам через царя Аккина и сообщает: отец Могула, царя царей, царь Галтей скончался вчера на закате!

Ах да! Я и позабыл, а ведь верно: ровно год прошёл, как я просил отсрочки для старого моего друга, царя Галтея...

Часть 9.

Глава 1. Соглашение

Я приехал сюда уже год тому. В эту местность, где я никогда не бывал ранее, к этим людям, к обычаям и привычкам которых мне до сих пор приходится привыкать. Я – Гайнер, самый богатый купец Каюма. И что меня понесло сюда, далеко на полдень, рассказ впереди...

Мне сорок два года, я очень зрелый человек, который имел бы уже внуков, будь мои старшие дети живы, но и старших и младших и вообще всех моих потомков, как и жену, с которой мы прожили восемнадцать лет, забрал Ангел Смерти. Я не считал, что заслужил наказание одиночеством, и потому женился снова, и моя новая жена родила мне ещё двоих детей. И я был счастлив и покоен последние пять лет. Если учесть, что я был самым довольным жизнью человеком в Каюме, а может и во всём приморье, то я чувствовал, что счастливее и благополучнее быть нельзя.

И вот со мной случилось то, чего не должно было произойти, чего никогда раньше не происходило, чего просто не могло произойти с таким человеком, как я. Чуждым чувств, восторгов, замирания сердца... Да что замирания, я вообще не знал, где у меня сердце. Я не знал, пока оно вдруг не замерло и не побежало в бешеной скачке. А случилось это так неожиданно, как приходит к людям внезапная смерть...

Это был день как тысячи других дней, когда я, по обыкновению, обходил свои лавки, проверяя их работу, товар и количество покупателей, и вдруг увидел... Я даже не знаю, как её назвать... девушка, юная женщина... волшебница... богиня... Богиня красоты и любви?.. Но таких не значитесь среди наших Богов, и любовь, и красота, я думаю, не в ведении Богов, они не подвластны никому, кто дарит их, кто ими управляет?..

Я не знаю, кто одарил эту незнакомку такой пленительной наружностью, такой непередаваемой прелестью, но я остолбенел, увидев её. Надо знать меня с детства, чтобы понять, что со мной произошло необычайное, неправдоподобное, то, что не происходит с такими людьми, как я. Я никогда не был подвержен чувствам вообще, особенно похоти, над которой я потешался всю жизнь. Я сам много раз с успехом использовал эту человеческую слабость, нанимая ловких блудниц, чтобы помогали мне уговорить одних снизить цену на товар, что нужен был мне или, наоборот, купить мой по более высокой цене.

И вот я, охваченный внезапным, никогда не изведанным дотолем огнём, как сухая трава, ослеп, оглох и ослабел, глядя на неё, эту женщину, будто вобравшую в себя весну и лето, всё солнце, лёгкие облака и прохладный ветер, прозрачную воду Моря и кристальные брызги его волн... я никогда не замечал всего, что перечислил. Но я изменился всего за несколько мгновений, даже, может быть, за одно, за один взгляд, последующие только затягивали меня глубже в бездну, в которую я даже не верил прежде.

Она одета просто, но лишь на первый беглый взгляд, потому что вышивки на её странном платье необычны и чересчур красивы для девушки, пешком и с корзинкой, прохаживающейся по торговым рядам, как и пояс на изумительной талии. Довольно высокая, гибкая и тонкая, какая-то слишком тонкая и гибкая, слишком белая кожа, блестящие волосы пышными волнами, сплетённые в свободные в косы, слишком правильные и утончённые черты лица, и свечение, которое заворожило меня, и, когда я погрузил мой взгляд в её глаза, бездонные, как ночное небо – вот такой невиданно странной, не похожей ни на кого я увидел её и престал быть прежним человеком, Гайнером из Каюма. Теперь я видел только её...

Я ещё сам не знал, чего я хочу, что толкает меня идти за ней, не отрывая взгляда, как нитка за иглой я пошёл за ней вдоль улицы вплоть до самой повозки, возле которой она

остановилась. Она и говорить со мной не стала, даже взглядом не удостоила, а я сулил ей всё подряд от мешка злата, привязанного к моему поясу, до моего дома, сердца, которое уже не надо было обещать, оно уже было её, вот там, в пыли под ногами, под вышитыми носками её изящных постоп...

Тут и появился этот наглый, косматый и краснорожий мужик, эта образина, который отогнал меня от неё. И увёз её неизвестно куда. Ибо никто в Каюме не знал их, ни мой слуга, что был со мной, никогда их раньше не видел и никто из тех, кого я расспрашивал, не знал, кто такие эти двое.

И всё же после многочисленных расспросов мне удалось кое-что узнать: несколько лавочников сказали, что чудесной красы девушку уже видели в городе, что с нею не всегда бывал тот человек, которого застал я. Они приезжали из какой-то дальней деревни в год от силы пять раз, покупали ворвань, шкуры и пергаменты, нитки, ткани, меха иногда, и украшения нередко, а ещё заказывали разным мастерам мудрёные штуки, назначения которых не всегда и мастерам тем самым объясняли. Платили, не торгуясь, будто и не замечая денег, а значит, были очень даже достаточны. Тем страннее был вид спутников или спутниц красавицы, потому что молодых и прекрасных собою как она сама с ней никто не видал, будто в насмешку. Всё или дядьки страшного вида, али тётки и старухи тоже не слишком приятные. Бывали и дородные молодые бабы.

– Эдакая, знашь, обхвата в два, и эта берёзка рядом с нею, будто с дубом! – хохоча рассказывали о таких спутницах неизвестной красавицы. Но ни имени её, ни откуда она приезжает, никто не знал.

– Живуть идень-ть хутором уединённо, мало ли чудаков-от, вашец...

Но и в деревнях ближних и дальних отсюда с севера и до юга я не нашёл их. Они не могли быть с востока, так издалека не доехать на той повозке, на которой я их видел. Но и в деревнях помнили чудную девушку, правда тоже рассказывали странно и смутно, будто являлась она редко, раз в несколько лет, как волшебница али потворная баба, с повитухами старыми приходила тож. Мне и помощники мои стали намекать на то, что такую прелестью обычная женщина обладать не может, такую, что свела бы с ума меня, Гайнера...

Но их глупости не волновали меня, за эти недели поисков я определился с моими желаниями: я знал теперь – она должна быть моей, принадлежать мне, потому что охладить мой ум, мою взыгравшую душу, и внезапно разгоревшееся тело, могло только обладание ею. До сих пор ничего я не хотел так сильно, даже золота и влияния, завоеванию которых посвятил свою жизнь с детства.

Я родился незаконным сыном неизвестного отца и незамужней помощницы в лавке. Был ли моим отцом хозяин той самой лавки или какой-то другой человек я не знаю до сих пор. Я рос на задворках мира, но уже в семилетнем возрасте мне улыбнулась удача и с того дня я начал становиться тем, кем стал – богачом и избранником судьбы. А вышло всё очень просто: в лавке, где прислуживала моя мать, и я был на посылках, произошло событие, которое изменило мою жизнь раз и навсегда. Случилось вот что: внезапно упал и умер человек, вошедший сюда за покупками. Пока все хлопотали вокруг него, поднимали и уносили тело, притворно сокрушаясь, сочувствовали вдове, я сидел в своём привычном углу, где меня никто не мог видеть. И вдруг я заметил, что в этом самом моём углу появилось что-то новое. Этот предмет я обнаружил только, когда унесли покойника, потому что перестал так пристально и в оторопи наблюдать за происходящим в лавке и пошевелился, наконец. Я обнаружил кошель туго набитый золотом. И поскольку он был в моём углу, куда откатился из рук умершего, когда тот упал, перед тем приготовив его, чтобы расплатиться, я решил, что он мой.

Вот с этого я и начал строить своё богатство. И начал я с того, что, обдумав всё как следует, понаблюдав за окружавшими меня людьми, я занялся тем, что стал давать деньги взаймы, с тем, чтобы вернули мне на четверть больше, чем я отдал, а потом и наполовину. Несколько

раз меня попытались обмануть и, чтобы этого избежать впредь, я привлёк себе в помощь мальчишек постарше и сильнее, которым платил десятую часть долгов, которые они помогали мне вернуть... Мои богатства стали преумножаться очень быстро. Так что я был очень умный мальчик с самого детства. И необыкновенно удачливый.

Уже после я занялся торговлей, что было куда интереснее и живее, чем то, чем я накопил первый мешок золота. Моя мать, не верила в то, что может теперь не прислуживать никому и жить в доме, который принадлежит мне, её сыну, а значит и ей. Она смотрела на меня как на сказочного героя, почти как на Бога, не в силах поверить, что я остался её сыном, хотя перестал быть оборвышем.

И вот я, человек, понимающий только звон золота и слова честной или не очень честной сделки, вдруг почувствовал в себе то, чего во мне не должно было быть, потому что в моей душе не было того, на чём растут все эти цветы с шипами и без, ничего мягкого и теплого, лишь строгий порядок, жёсткий и беспрекословный. Теперь порядка там не стало, будто внутри меня взорвалась бочка с ворванью и теперь всё разбросано и перепутано, и всё пылает яростными и не подчиняющимися языками пламени...

Хотя бы ещё раз увидеть её...

И я увидел...

Прошло седмиц пять с того дня, как моя жизнь изменилась из-за неё, я был в Салазе, на полдне нашего приморья и здесь на рынке, мелькнули двое. Красивый малый и... она... она! Я не мог ошибиться, видений у меня никогда не бывало. Они именно мелькнули всего лишь на какой-то миг у рядов, где продавали арбузы. Я сам заглянул сюда, потому что дочка просила привезти из Салаза арбузов, которые не выращивали и не продавали больше нигде в приморье, только в Салазе, вокруг которого простирались степи.

Я увидел и узнал её сразу, хотя между нами было шагов тридцать не меньше. Всего только миг, но я успел разглядеть и её спутника, на этот раз молодого, немногим старше неё самой, красивого парня. Он улыбнулся, обернулся на неё, когда она сказала что-то, потом поднял мешок с арбузами на плечо легко, играючи, будто там были детские мячи, а не увесистые арбузы, даже не согнулся под его весом, хотя таким уж богатырём не казался издали. Больше её лица я не видел, только их спины: её – с тёмной свободной косой ниже пояса и его – с мешком, мелькнули ещё раз и пропали. Я заметил её так далеко, потому что увидел, что головы поворачивались в том направлении... Да, не один я видел и не мог оторвать глаз от чудесной девушки...

На этот раз я очнулся раньше и послал им вслед слуг, чтобы разузнали точно и проследили, куда они двинутся, а может быть и узнают имена...

Но ни с чем вернулись мои слуги. Куда опять пропала девушка, ставшая наваждением моей жизни, невозможно было понять. Шла она со своим спутником, не торопясь, а мои слуги были бойки, почему не догнали их?

В ту ночь я не спал. Дорога до дома в Каюм была неблизкой, и всегда в пути хорошо спалось по скрип ступиц колёс и мерное покачивание повозки. Но не сегодня. Мы остановились на ночлег в Авгалле, где с вечера все только и говорили о том, как Сингайл исцелил царя Галтея, так, что он сегодня и на охоту уже отправился и выглядит совсем здоровым и даже помолодевшим.

– Сингайл – необыкновенный, настоящий чудесник. Никто не мог бы сделать так, как он.

– Все знают, что только Сингайл может договориться со Смертью.

– Только год обещал чудесник царю...

– Год при здравии и не заметишь, это в страданиях каждый миг как год...

Ну и в этом роде... Я же подумал: вольно вот эдак чудесникам милость Богов раздавать, а я хочу всего лишь... Боги, такая малость! И как мне это получить? Всего лишь какую-то девочку, не из царского дворца и даже не из богатого терема...

С тем и уснул на неудобном жёстком ложе на постоялом дворе. И увидел во сне... да я увидел её близко, совсем близко, и она улыбалась мне, распущенные волосы легко колыхал ветер, бросая отдельные пряди ей на лицо, а она, улыбаясь, отводила их, они цеплялись за ресницы, за губы... Она улыбалась и смотрела так, будто любит меня...

А вот повернулась и легла навзничь, глядя на меня, и глаза мерцали тёмными омутами...

Охваченный неизбывным жаром я проснулся... И увидел... Его. Я себя представлял таким, каков был человек, сидящий на лавке возле стола, непринуждённо откинувшись на стену, рукой опираясь о стол, чувствующий себя свободно. Он чувствует себя легко и свободно везде, где бы ни оказался, легко, уверенно и непринуждённо. У него гибкая и при этом спокойная спина, плавные движения, наполненные силой, черты его лица, они же мои, достойны быть вырезанными из камня, даже отлитыми в золоте, я видел древние изображения всё ещё сохраняющиеся в залах царских дворцов, там не было лиц, похожих не моё, но ведь моё не хуже... Таким я сам всегда хотел быть.

– Ну, проснулся, Гайнер, отлично, – усмехнувшись, ответил незнакомец на мой удивлённый взгляд.

И голос у него, низкий, рокочущий, тяжёлый, голос тоже мой...

– Твоё удивление забавляет, – произнёс он, высокомерно, как я, качнув головой. – Но чересчур долго не пялься на меня с этим глупо раззявленным ртом. Ты слишком умный человек, чтобы изумляться и не понимать, Кто Я.

Понимать... Я отказываюсь понимать, что такой необыкновенно привлекательный человек, и при том с моим лицом и телом, мой двойник, с моим голосом и повадкой... что это Сам Предводитель зла и Он...

Он расхохотался, слыша мои мысли, а что удивляться: я думаю, а Он знает о чём.

– Ну хватит предисловий и растерянности, – в той же манере, какая свойственна и мне, произнёс Он. – Я тут не для того, чтобы смотреть, как ты хлопаешь глазами спросонья в своём примитивном человеческом недоумении. Я здесь совсем для другого, Гайнер.

Я, наконец, сел нормально, спустив ноги на пол с низкого здешнего ложа, и выпрямился. Если не учитывать, что я почти голый, мне надо хотя бы принять достойный такого разговора вид.

– Для чего? – спросил я, но мой голос прозвучал совсем не так великолепно, как звучал его голос...

Между тем он усмехнулся и удовлетворённо прогудел:

– Наконец-то заговорил, я уж думал так и буду с неммым говорить.

– О чём?

– О том, полагаю, о чём, трепеща и замирая, колотится твоё сердце в последнее время. О твоём желании. О страсти, сжигающей твою каменную душу, страстью, превратившую камень в кипящую лаву. Мне продолжить или ты уже понял?

– Понял... что? – спросил я, не решаясь поверить, что Он... Он явился, чтобы...

Он поморщился, и, закатив глаза, проговорил устало:

– Ещё одна глупость из твоего рта и я уйду навсегда. Я могу исполнить твои желания, помочь удовлетворить внезапную страсть. Если ты станешь во всём слушать меня, станешь моим орудием, всё, что ты хочешь, ты получишь и с прибытком.

– Что я должен... сделать? – ещё не веря, спросил я.

Он, наконец, взглянул благосклонно, и что-то похожее на усмешку мелькнуло в его глазах.

– Наконец-то разумное слово, – произнёс он холодно. – Признаться, я начал думать, что напрасно пришёл к тебе...

А дальше он заговорил, и каждое слово втекало в мой ум и, растворяясь в нём, пропитывало его, наполняя мыслями, силой. Я внимал и принимал всё, что он говорил, будто родилось внутри меня...

Вот я и приехал сюда, в эти земли около года назад, чтобы из этих многочисленных и диких людей создать войско, которое сделает меня царём, оно станет моим мечом, моей силой, и с её помощью я завладею всем приморьем, а значит и той... О... о которой я грежу наяву.

Я спросил Его, конечно, неужели для того, чтобы отыскать какую-то девчонку и завладеть ею, нужно идти таким сложным, таким длинным и даже странным путём. На это Он засмеялся:

– О-о! Ты ошибаешься! Она не просто девчонка, Гайнер. Неужели ты мог бы так обезуметь из-за простой девчонки? – Он насмешливо покачал головой. – Нет-нет, она... – Он поднял голову, задирая подбородок, то ли подбирая слова, то ли вспоминая о ней, и смакуя с удовольствием свои мысли. – Она – Селенга-царица, и рядом с нею цари и дети царей, обладающие такой силой, какая тебе и не снилась.

Он снова посмотрел на меня и договорил уже холодным голосом:

– А значит, тебе придётся встать с ними в один ряд, чтобы одолеть соперников и её, – и глаза его сверкнули то ли яростью, то ли предвкушением.

Так что я послушался и, собрав вокруг себя лучших из моих слуг и помощников, до сих пор помогавших устраивать мои торговые сделки, я собрал всё моё золото, оставив в Каюме только то, что обеспечит безбедную жизнь моей семье. На золото, которое, кажется, только прибавлялось в моих ларях, мы скупали лучшее оружие во всех городах приморья. Но одного оружия было мало, нужно было обучить людей биться, а для этого тоже необходимы те, кто умеет это делать. Для этого нужны люди. С людьми мне удивительно везло, просто как никогда в жизни. Вообще теперь удача стала мне даже не подругой, а служанкой.

Потому что здесь на много вёрст южнее Салаза и Синума, куда мы прискакали моим относительно небольшим отрядом, где жили люди больше привыкшие кочевать, чем жить оседло, нас встретили радушно, будто ждали. Их вождь доверился нам, но мне не это было нужно. Я пришёл сюда, чтобы самому стать вождём. Вождём, предводителем, царём здесь и после во всём приморье.

Я сказал это как-то во время трапезы, которую здесь принято вкушать, сидя на полу, от чего у меня затекали ноги, и я терял аппетит и вес, что, впрочем, мне было только на пользу. Так вот я сказал моему другу, местному вождю:

– Я хочу стать царём приморья.

Он рассмеялся, взглянув на меня большими круглыми и при том раскосыми глазами:

– Это невозможно, Гарней, вы там живёте как боги. Как мы, пусть нас и много, как мы можем одолеть вас?

– Легко. Только захотеть сделать это.

– Да и зачем? Разве плохо нам здесь с нашими стадами, вольной охотой? Зачем нам ваши пыльные города, ваши каменные клетки?

– Чтобы властвовать, надо созреть.

– И ты... – он расхохотался, откидываясь назад. – Созрел, похоже? Как дыня на бахче?!

Мы их ворует иногда... ох и сладкие!

– Власть – куда большая сладость! – сказал я, убеждённо и без смеха.

– Что ты... – но, взглядевшись в меня, он вдруг побледнел и отшатнулся, словно разглядел что-то, что раньше ускользало от него. И проговорил, изумляясь: – Что... что это... Что ведёт тебя?

И я понял, что он догадался. А потому я легко усмехнулся:

– Тот, Кто поможет мне одолеть всё на моём пути, – с этими словами я ударил его в грудь тем самым кинжалом, с которого ел жареное мясо, изобильно разложенное передо мной хозяином этого шатра и всего этого народа...

Глава 2. Прельщение

Минуло пролетье, я люблю начало лета с его дождями, холодноватыми росистыми утренниками, свежей жирной листвой и травой, полями одуванчиков, ландышей, горечавок, облаками шипковых роз, цветущих кустарников и лип, и их сказочных ароматов, коротких ночей с яркими звёздами и туманными рассветами. Теперь уже перевалило через Солнцеворот, земля отдавала тепло щедрым урожаем ягод, грибов, да просто травой и славным ароматом жизни.

Мы с Аяей давно не бывали в городах, да и не было потребности, наши коровы хорошо доились, куры неслись, свинины в виде колбас и солонины мы тоже припасли немало, закрома были полны муки и круп, а потому мы могли позволить себе забыть о городах и проводить время вместе за охотой, рыбной ловлей и своими разнообразными изысканиями. Например, в последний год мы увлеклись сложным и неподвластным ничему и никому понятием – временем, пытаясь найти для него единицы измерения, как придуманы для длины, веса или объёма. Я думал об этом много и давно, кому ещё, как не тем, кто живёт бескрайнее количество времени и заняться этим, сосчитать свою бесконечность?

Но ещё более захватывающим стало создание воздушной повозки, или лодки – самолёта, поднимаемого в воздух нашей с Аяей Силой. Сами мы не можем парить в воздухе, подобно птицам, наши тела не приспособлены для этого, мы можем отрываться от земной тверди, и, пробыв в воздухе некоторое время, мы вновь опускаемся назад, а мне хотелось, подобно птице расправить крылья и отдаться ветру, течению воздуха, как лодка отдаётся воде. Я думал об этом всю мою жизнь, как только впервые взлетел, но отрастить крылья не может даже предвечный, ибо я всего лишь человек. А вот мысль создать нечто вроде искусственной птицы пришло мне в голову, когда в моей жизни появилась Аяя, когда она взлетела вместе со мной. Мне захотелось парить вместе с ней, подолгу оставаясь в небе, этого мне не хотелось ни с кем... И вот, задумав эту самую птицу, я искал форму для воздушного корабля такую, чтобы Сила нужна была только для взлёта и посадки. Однако не так-то просто создать то, что похоже на живое, но при этом действует как послушный инструмент. Одним Богам известно, сколько я сам выпилил этих крыльев, меняя раз за разом форму и размеры, сколько я передумал и перерисовал Аяинными угольными рисовалами как и где должно располагаться нам с ней, чтобы не мешать движению в воздухе. Аяя, глядя на эти мои муки, однажды, пока я спал, нарисовала рядом птицу, с точным соотношением тела и крыльев, цифрами подписав и длину, и вес и объём... Проснувшись, я застал мой чертёж «испорченным», но зато перед моим мысленным взором в тот же миг со всей ясностью встала наша будущая «птица». До того я страшно морочился, что не могу измерить силу, которая поднимает меня от земли, что я не могу измерить силу, которая поднимает птицу и мне казалось, что вся загвоздка в этом, но, увидев Аяин рисунок со всеми измерениями я понял, что знания этих сил мне и не понадобятся, надо только соблюсти правильное соотношение, чтобы искусственная птица парила, как парят живые. С этого утра всё сдвинулось с мёртвой точки. Теперь Авгаллские и прочие мастера-плотники, и столяры делали для меня части будущей воздушной лодки...

Конечно, испытывать наш самолёт удавалось в основном по лету, снег и мороз, али дожди не помогали в наших испытаниях, к тому же надо учитывать и ветры и это даже самое главное. А потому, продолжалось изучением скал и гор по всему приморью, животных и растений, с их лечебными свойствами, испытывая их на себе, порой рискуя на сутки предаться непробудному сну, а то рвоте с поносом...

И даже изучению языков приморья, что Аяю особенно интересовало и даже забавляло, как по-разному в разных концах приморья произносят некоторые слова.

– Вот, что удивительно и интересно, Огник, один язык, мы говорим все одинаково, но при том всегда можно отличить жителя Парума от авгалльца или синумца, а?

– Разделялись раньше, вот и обособились...

Мы не забывали и наблюдения за звёздами, что так хорошо в безлунные ясные ночи. За двадцать с лишним лет мы смогли пополнить наши списки новыми светилами, что мы нашли в результате наблюдений, дома хранился не один толстенный свиток, посвящённый звёздному небу в разное время года, и всё время прибавлялись новые записи и рисунки, сделанные Аяной рукой.

– Вообще, мне кажется, чем больше мы узнаём о звёздах, или о чём-то ещё тем больше открывается тайн, – сказала Аяя.

– Это верно, но мне думается, это касается всего сущего – чем больше мы узнаём, тем шире и глубже бездна того, чего мы не знаем. И она именно бездна... Наверное, человек потому и не Бог, что не может познать всё.

Она улыбнулась и повернулась ко мне, мы шли по пронизанному солнцем березняку, то тут то там уже попадались обабки, со своими крепкими ножками, похожими на обросшие тёмной щетиной подбородки, ровными круглыми шляпками, почти не было червивых. Мы набрали уже целое лукошко, попались несколько кустов малины и мы ели ягоды прямо с куста, Аяе сок брызнул на губы и подбородок...

Я притянул её к себе, намереваясь снять красивые капли своими губами, она засмеялась, шутливо отстраняясь, и мы, играя и шутя, побежали по рощице, бросив корзинку...

Трава казалась мягкой под ногами, но под спинами кололась и щекотала кожу. Аяя погладила меня по волосам, отводя от лица, запуская пальцы вглубь, я чуть отклонился, приподнимаясь, и солнечный свет упал ей в лицо, высвечивая тёмную бездну глаз, зазолотившуюся в солнечных лучах, как вода в бездонных озёрах.

– А знаешь, что становится всё больше и глубже, чем больше и дольше узнаёшь? – улыбаясь, проговорила она. – Моя любовь, милый... Я так люблю тебя!

Всякий раз, когда она говорит, что любит меня, мне кажется, что внутри меня вспыхивает разноцветными искрами жаркий огонь, разливаясь от сердца по всему телу, переполняет всего меня. И, хотя она нередко говорит мне это, я не могу привыкнуть к этому. Всякий раз, как в первый, я волнуюсь и наслаждаюсь этим, как и каждым её прикосновением и каждым поцелуем. В бесконечном море моей жизни почти двадцать пять лет с тех пор как она прибежала в мой дом, всего лишь один всплеск, но это единственные самые настоящие годы. Только в эти годы я по-настоящему и почувствовал жизнь.

Мы много раз предавались любви везде, где заставляло нас желание делать это, больше в Аяе я никогда не чувствовал только лишь покорности моим желаниям, с тех пор как она вдруг смогла летать, взмыв над землёй вместе со мной, с того дня в ней открылись двери для меня, её сердце открылось мне, само её тело стало иным, медовой рекой стала моя Аяя. Моя Аяя.

На тот утёс, где впервые она оторвалась от земли, на мягкий мох, мы любили приходить к нею в такие тёплые дни как сегодня. Но сюда, как и на иные утёсы над обрывами мы приходили не только и не столько для любви, из моих дум может показаться, что мы только и любились, на деле же, мы всё же построили самолёт. Да-да, не надо удивляться, к этому лету он был готов и уже опробован впервые удачно, наконец, мне удалось найти ту самую форму нашей воздушной лодки и её крыльев, чтобы...

Мы Силою, подвластной нам, поднимем её над землёй достаточно высоко, чтобы уловить воздушное течение, а дальше самолёт сам, как по реке плывёт лодка, опираясь о воду, так и наш самолёт поплывёт по воздуху, расправив крылья, подобно парящей птице. Длина крыльев, хвоста, угол, под которым должны они были быть прикреплены к «телу» самолёта, чтобы не приходилось прилагать усилий на высоте, а попросту парить, всё было взято от птиц.

Много времени и сил ушло на это, всякий раз к столярам не набегаешься, да и подозревать начнут в нехорошем, так что я сам научился строгать и вырезать отверстия в тонких досках, соединять их между собой так, чтобы можно было наклонять крылья, ловить воздушные

потоки, подниматься выше или опускаться. Только для того, чтобы оторваться от земли, это всё, на что требовалась Сила. А дальше самолёт, как большая птица становился на крыло и летел не хуже своих живых собратьев. Нам трепал волосы встречный ветер, наполняя сердца радостью и возбуждением. Гордостью, что мы можем то, чего не может почти никто.

Самым сложным оказалась посадка, сколько самолётов полетело вниз и разбилось, когда становилось ясно, что я не могу управлять его вернуться на ровную площадку, откуда мы взлетели. Сколько их обломков валяется внизу, пока я не сумел сделать так, чтобы и крылья и хвост меняли угол и настолько, подчиняясь рулю так, чтобы спуститься на ровный уступ скалы, откуда мы взлетали.

А теперь... На далёкие расстояния можно улететь. Мы ещё не пробовали летать дальше, чем над нашими горами и безлюдными скалистыми берегами, опасаясь показываться людям, для чего людям тайны предвечных? Только пугать...

Вот и сегодня мы пролетели круг над долиной, внизу которой таились ложбины с глубокими оврагами, так не разглядишь, а с этой высоты многое видно, что не заметно с роста человека, хоть и со скал. Скалы не в небе, а лишь на краю неба...

Мы сели на нашу скалу, которую теперь называли Летучей, и, чувствуя себя счастливыми покорителями нового Моря, на сей раз воздушного, просто лежали на мягком мху, ковром покрывающем всю Летучую скалу. Солнце ласкало наши тела, ветер перебирал наши волосы, я распустил Аяе косу, желая зарываться лицом и пальцами в её чудные локоны. В лучах солнца сгустилось блаженство, наполняющее мою жизнь.

Моё счастье безгранично, как это небо над нами, и только одно печалило меня – у нас не было детей. Впервые в жизни я, произведший на свет несколько сотен, а может и тысяч потомков, осознанно хотел детей, впервые за тысячу с лишком лет, и я не имел их от единственной женщины, от которой мечтал иметь. То, что её не слишком печалило это обстоятельство, огорчало и даже обижало меня. И ведь я наверняка смог бы помочь ей, вылечил бы, как излечивал много других женщин от этого страдания, но для неё это не страдание. Для неё это промысел Богов, которые, как она считала, имеют планы на каждого из нас.

Вот и сейчас, на этом утёсе, будто нарочно созданном для нас, мы, обнажённые, лежали, глядя на высокие облака в светлом дневном небе. Солнце пронизывало кажущуюся бездонной голубизну, но мы с Аяей знали, что там, выше, дальше этой синевы по-настоящему бездонная чернота, заполненная звёздами... но может и она не бездонна?..

– Яй, ты... Я приготовлю особенный отвар и ещё капли, ты... Поверь, месяца два-три и... – сказал я.

– О-огник... – протянула Аяя и села, обняв свои колени.

Я протянул руку к её волосам, укрывшим ей спину, их тёплый мягкий шёлк скользил между моих ласкающих пальцев.

– Почему ты не хочешь? Ну почему, Яй?! – я убрал руки от неё и тоже сел, посмотрел в её лицо.

Она щурилась, и солнце золотило кончики её невероятных ресниц.

– Потому что я знаю, я чувствую, что... – она нахмурилась. – Что сейчас этому не время.

Я вздохнул и отвернулся.

– Конечно, у тебя столько лет находятся какие-то отговорки, какие-то причины, «не время», «Боги распорядятся»...

– Ты хочешь вмешаться, изменить мою природу. Я не бесплодна, это иное что-то... быть может, я не готова.

Я разозлился. Я так разозлился, что потемнело в глазах, и сказал зло, едва сдерживаясь, чтобы не скрежетать зубами:

– О, конечно, в шестнадцать лет с Мареем-царевичем, ты была готова, готова ему родить, а мне, для меня и через век будешь не готова! Так и не избыла его?..

– Как тебе не стыдно, Арий?! – тихо и горько проговорила она, и я сразу пожалел, что выпустил злость на волю. Что вообще напомнил о Марее-царевиче, произнёс его имя, я старался не напоминать о нём все эти годы, только год назад, да вот теперь сорвался снова...

Ая посмотрела на меня и сказала, не сердясь:

– Я не знаю, почему, но я уверена, что теперь не должно у нас быть детей. Что-то грядёт, Огнь. Что-то... не знаю, но я чувствую тревогу. Так давно, так много лет всеобщее благоденствие, согласие во всём, урожаи, прибавление народу, богатств... Даже дурной погоды не было уже двадцать один год. Ни болезней. Даже царю Галтею Сингайл не дал умереть... Всё как-то чересчур хорошо, чересчур благополучно.

– Он всего лишь на год отсрочил его смерть и всё. Кстати, тому году уж конец, – проговорил я, уже стыдясь, что опять затеял разговор.

– Да... уж год. Как скоро, а, Огник? Как скоро течёт время. Это потому что мы бессмертны?

Ая поднялась на ноги, волосы закрыли её от моих глаз. А она смотрела вдаль, туда за пределы скалы, туда, где над пропастью когда-то впервые смогла оторваться от земли и воспарила рядом со мной, потому впустила меня с моей любовью в свою душу...

– Нет, Яй. Это потому что мы счастливы, – сказал я, прижимаясь лицом к её бёдрам, скользя пальцами по её шёлковой коже...

Я увидел их. Я искал Ария, чтобы рассказать, что узнал в Салазе о предсказанной мною смерти Галтея, хотел воспользоваться этой новостью, чтобы встретиться с ним...

Я пришёл к его дому и не застал его там. И тогда отправился бродить по лесу, уговаривая себя, что я охочусь, а на деле просто не хотел идти домой, где целых три болтливых женщины и кричащий младенец немного утомили меня в последний месяц, и мне хотелось разумного разговора... Да просто хотелось увидеть Арика.

И как я набрёл на этот утёс, сам не знаю, раньше я здесь не бывал. Обширная площадка почти идеально ровная как стол, кое-где на ней были округлые валуны, покрытые лишайниками и мхом, как и вся она. А на восток открывалось небо. Но я не небо увидел. Я увидел двоих людей, обнажённых и целующихся. То есть он целовал её ноги и бёдра, стройные и длинные, белые, как лепестки лилий, что цветут в лесных тенистых озёрах, вся её кожа была такой... Она зарыла пальцы в его длинные волосы, он приподнялся, а она склонилась к нему... и вот уже он, подхватив её под гибкую спину, целовал её в губы, наклоняя к земле на тот самый ковёр из мха...

Я узнал их сразу. Их обоих. Потому что своего брата я узнал бы не то что голым, как теперь, и в любом обличье, но даже без кожи, и её, хотя сейчас я даже лица её почти не разглядел, потому что, когда она наклонилась, пышные волны волос скрыли её лицо, лишь мелькнувшее на миг. А тела её я забыть не смог бы и ещё через три тысячи лет...

И я замер, поражённый, будто упавшей на меня скалой, ослеплённый, ошеломлённый. Я не мог поверить глазам, что вижу их, двоих, кого я больше всего хотел бы видеть, но никак не думал, что увижу вместе... И я долго не мог оторвать взгляда от них, замерев в своём изумлении. Что угодно я мог предположить, придумать, вообразить, но не то, что так неожиданно, как убийца из темноты, предстало передо мной.

Арий и Ая. Она, действительно, жива. Я не поверил даже Царице Теней, когда она сказала, что Аяи нет среди мёртвых... А вот теперь... Боги! Я отвернулся, ещё миг и я увижу, как они совокупятся, и что тогда помешает мне сломать шею моему брату?

Всё сложилось в моей голове. Все обрывки мыслей, все кусочки разбитой картины. Арик, спяну рассказывающий о том, что влюбился так, что самого себя не помнит... То, что на его дворе я совершенно точно почувствовал присутствие женщины, но он не показал её мне... И что сказала Повелительница Той стороны, как Арик развеял то, что осталось от моих рабов,

посмевающих... То есть он знает, что они сотворили с Аяей. Вот только как всё это собралось вместе? Что могло их соединить? Как, когда и где Арий и Ая встретились?

Тогда же... когда же ещё. В мыслях Мокшена, что я смог увидеть, Ая лежала под небольшой скалой в этом самом нашем лесу. Арий просто отвёл глаза моим слугам, преследовавшим Аяю, которую он... спас. И от меня тоже...

О, Боги!.. Я задохнулся от нахлынувшей удушающей боли. Он занял моё место. Она была бы моей, если бы... Если бы... если бы я насилем не взял её, ослеплённый, одурманенный своим вечным высокомерием, если бы только подошёл к ней так же, как ко всем женщинам в моей жизни... Но я поступил, как никогда не делал, как дикарь, как безумец, одержимый то ли ненавистью, то ли желанием насолить Марее-царевичу.

– Да ничего такого, – вдруг зашептал второй голос в моей голове. – Ты хотел девчонку, ты её взял. Почему предвечному, великому Эрбину этого не сделать? Ты не думал, что она сбежит, не думал, что твои рабы посмеют пойти против твоего слова и, тем более что твой брат отберёт её для себя. Вот чего ты никак не предполагал! Что он сделал? Ничего особенного, всё, как всегда... Как всегда отобрал у тебя то, что уже было твоим!

В моей груди закипело, загудело в голове, будто этот голос внутри бил, как язык внутри колокола. Я сорвался с места и побежал через лес, не разбирая дороги. Что меня остановило от того, чтобы сейчас же броситься туда и, взмётывая куски мха ногами, подобно взбесившемуся вепрю, убить Арика?..

Я опомнился уже только, споткнувшись и упав ничком в траву, в прошлогоднюю листву между неё, здесь, в темноватом смешанном лесу, и почувствовал, что животом я угодил прямо в ручей. Я приподнялся, выпрямив руки, отрезвлённый немного тем, что я теперь был мокрым и грязным, как тот самый вепрь, о котором уже думал. Я поднялся, оглядываясь по сторонам. Куда это принесло меня? Заросшая высокой травой поляна немного странной формы, с какими-то углами, вокруг высокий и даже дремучий лес, а здесь только трава, редкие молодые деревца, а в центре... Ах ты ж! Это не просто камень, нет-нет, я читал во многих книгах об этом, и Ар знал, такими вот сооружениями больших или меньших размеров, обозначались места, буквально точки, где Сила Земли и Неба, самих звёзд, вселенной, если угодно, сходятся в настоящие мосты. И если быть способным уловить их, то можно пополнить запасы собственной Силы, войдя под эти потоки, как под водопад. Только здесь ничто не падает отвесно, нет, эти волны Силы текут сразу во всех направлениях, вверх и вниз, внутрь и наружу, скользя вдоль, завихряясь, усиливаясь и искрась. И я, если и знал о таких местах, никогда раньше не находил их.

Но знал я и другое: так же как обрести, увеличить свою силу, также можно и потерять её здесь.

Я подошёл ближе к камням, уложенным наподобие алтаря или стола, из-под него струился обильный ручей, родоначальник того самого, в который я упал. Я заглянул под плоский валун, действительно ключ был очень мощный, даже приподнимался прозрачной горкой. Протянув руку, в непреодолимом желании прикоснуться к этой воде, я погрузил руку в бурлящую воду. Но вместо холодной воды я почувствовал... я открыл дверь во времени и увидел... Сверкающие молнии, сыплющиеся вокруг и прямо сюда, и двоих... всё тех же, Аяю и Ария, и опять обнажённых... я ничего не понял, но дольше я смотреть был не способен, это будто нарочная пытка, опять и опять показывать мне их вместе. Меня словно отбросило, когда я, зажмурившись, вынул руку из воды, которую не чувствовал водой...

Что же это такое сегодня? Боги, почему вы такой злой пыткой терзаете меня? Мне надо отвлечься, перестать думать о том, что мне привиделось, и, успокоившись, подумать...

Я провёл мокрой рукой по лицу, и мне стало как будто и легче, и мысли перестали походить на слипшиеся от патоки орехи. Я почувствовал опустошающую слабость и непреодоли-

мую сонливость, и не в силах бороться с нею, лёг спиной на плоский камень, который оказался мягким и тёплым, будто удобное ложе...

...Я не знаю, сколько я проспал и даже не помню, что я видел во сне, пробудившись, я чувствовал себя так, словно только что расстался с Ариком и Аяей. Вот словно я только что был рядом, видел их, касался, слышал голоса, будто мы втроём сидели за этим странным столом...

Так это всё сон... Сон. Боги, какое тяжкое испытание. Это в наказание за то, что я погубил её когда-то...

Я встал и, пошатнувшись, вздохнул полной грудью, но ноги мои сразу промокли – сквозь сапоги пробрался ручей, вытекающий из-под камня сразу на все стороны. Что занесло меня сюда?..

Я направился домой и, хотя мне казалось, что я заблудился, я довольно скоро нашёл дорогу, и вот уже Игрива с криком бежит навстречу мне, а с крыльца выглядывают Серая и Белая.

– Сингайл! – Игрива кинулась мне на грудь. – Как ты напужал нас! Ох и напужал, родный мой! – и она прижалась ко мне большой головой.

А я стоял и не мог понять, чем это я напугал их? Тем, что грязный и мокрый пришёл? Так и что с того, подумаешь, страх какой...

Но выяснилось, что я отсутствовал три дня...

– Мы уж и думать не знали что... – плакала Игрива, то и дело кидаясь мне на грудь, продолжая заливать слезами.

– Да уж, напугал, отец родной так, што не то што думать... делать-то што не знали.

– Делать... баню бы хоть истопили, пустоголовые, что причитаете-то без пользы? – рассердился я, чувствуя, что неприятно мёрзну в мокрой одежде и обуви.

Они подхватились готовить мне баню, кормить и поить, опомнились, наконец. Наевшись досыта и выпарившись в бане, я лёг спать, а они, тихонько ступали в соседних горницах, не позволяли Заряну орать, тетёшка тихонько, и даже выходили с ним на двор.

Вот, значит, как... трое суток я пролежал на том камне и видел что-то, что-то очень важное, чего не мог сейчас припомнить, словно кто-то закрыл покрывалом и я мог только слабые очертания угадывать того, что я видел и понимал до того ясно. Кто мешает мне видеть?

– Я!

Я не видел Того, Кто произнёс это, я не стал открывать глаза в ужасе замерев и понимая, что это может быть только... Как я это понял?

Он засмеялся хрипло.

– Очень просто, я много раз нащёптывал тебе свои слова и мысли, я внушал тебе то, что ты должен был сделать во славу меня, ты привык и даже не замечал, как дети не замечают умелого управления учителей и родителей, – произнёс Князь Тьмы, которого я узнал, потому что не узнать Его было нельзя.

Я не ответил ему, потому что знал, что незачем говорить вслух с Тем, кто влезает в твои мысли и ворошит ими как углями в печи. И к тому же лжёт: не мог бы я не понять, что кто-то управляет мной, мои поступки были только моими.

– Молчи-молчи, – хмыкнул он, будто разочарованно. – Я-то думал, ты охвачен страстью настолько сильной, что захочешь сразиться, наконец, со своим братом. А ты... Ты слабак, Эрбин, всегда был слабее Ария. Он не побоялся попросить меня о помощи, чтобы завладеть Аяей, ведь иначе не получить её. А ты выпустил из рук и страдаешь, в свою затхлую нору опять залез, как барсук. Неужто, такая, как Игрива должна быть рядом с тобой, сыном царя?.. Из всех женщин, что ты встречал и любил, ни одна не была ровней тебе. Подумай, Лёд, так и уступишь Огню, как всегда уступал? Он двадцать пять лет врёт тебе, он отнял её у тебя и скрывал это, знал, что ты заберёшь назад, если узнаешь...

Я зажмурился и пытался изгнать навязчивый голос из своей головы, повторяя: «Боги, не оставьте меня! Предстаньте, защитите, не отдавайте... Бог Солнце и ты, Байкал, услышьте!»...

Между тем Он разозлился и зарычал, обдавая жаром моё лицо и грудь, но я зажмурился ещё крепче, боясь даже приоткрыть глаза, и почти не дыша.

– Никто тебя не слышит! Никто не защищает вас, людишек, от меня! – со свистом в самое моё лицо прошипел Он. – И ты не спрячешься, слюняй и слабак! Всё равно придёшь просить меня! Взвоешь и придёшь, приползёшь, скуля, на брюхе, потому что зависть твоя суть! Ты всегда хотел того, что было у Ария, и не мог получить! И теперь без моей помощи не сможешь! Ещё придёшь ко мне, а я буду ждать. Я дождусь, предвечный!..

И сдуло с гулом и ветром, словно громадная птица вылетела прочь. А меня будто окатило жаром... Слабость и темнота овладели мной, словно солнце упало за горизонт. Настала ночь...

Я проспал до следующего полудня и, когда поднялся, встретил обеспокоенные взгляды трёх женщин чуть ли не с раздражением, даже плач Заряна злил меня сегодня, а ведь никогда не был нетерпим к моим близким раньше. Но разве они были мне близки? Единственным близким мне человеком за всю мою бесконечную жизнь мне был Арик...

Всё же я должен увидеть его. Надо увидеть его, чтобы понять, что же я видел, что я чувствую на самом деле...

Потому едва немного подкрепившись доброй пряной ухой и кнышами, я отправился снова в лес, к дому Ария, не обращая внимания на взгляды и слова Игривы, Белой и Серой, на их удивление и даже недовольство. Сейчас я должен был увидеть брата и понять, что всё происходившее в моей голове это не безумие...

Глава 3. Побег

Ничего не привиделось мне... Впервые за всё время я не только застал Ария, но и увидел её, Аяю... Возможно, это произошло потому что я раньше приходил не подглядывать, а встретиться с братом, шёл открыто, а сегодня я не хотел быть обнаруженным им, сегодня у меня здесь была иная цель. Я скрытно подошёл не со стороны входа, как всегда приходил, я прошёл вдоль изгороди. Я хотел теперь рассмотреть всё, всё их мироустройство. Я хочу понять, что происходит здесь, чем они живут, как, почему они вместе, и куда можно протиснуть клинок, чтобы разлучить их.

Наверное, нет ни одного человека на земле, которому было бы сложнее разделить этих двоих людей. После всего, что я сделал с Аяей, получилось, я и загнал её в этот лес к Арику. Или...

Или они были знакомы раньше?!..

Что, если они были знакомы и близки всегда, задолго до того, как я узнал её, до того, как она попала во дворец к Марею-царевичу?!..

Эта неожиданная мысль так потрясла меня, что я задохнулся от нахлынувшей на моё сознание, и на сердце волны жара: знали друг друга раньше!..

Да нет, этого быть не могло, она с двенадцати лет на моих глазах, выросла буквально. А впервые я увидел её задолго и до этого. Нет-нет, не могли они знать друг друга до того, как она попала во дворец к Марею, Арик не мастер дворцовых интриг, он вон в небо смотрит, люди с их страстями ему никогда не были так уже интересны, потому, думаю, он и летать умеет в отличие от меня. В нём простого, обыкновенного всегда было намного меньше, хотя и пьяница он, хуже последних ярыжек загульных.

Двор Ариков необычный. Кроме того, что все строения на нём раскрашены замысловатыми рисунками, яркими и невиданными, точно Аяи рук дело, так ещё и странные предметы я здесь заметил: какие-то соединённые между собой металлические прутики и пластинки, они покачивались и позвякивали в соединениях, вот что это? И для чего это на дворе, по которому ходят курицы, вышагивает петух, пасутся две коровы и лошади, кошка с рыжим хвостом прошла к столу и вспрыгнула на лавку, прижалась боком к Аяе, сидевшей здесь у этого стола, тоже разукрашенного самым замысловатым образом. А знаете, что делала Аяя? Она сидела со свитком. И даже не читала его, что уже не обычно, хотя она во дворце читала и училась всё время, вечно у Викола я заставлял её даже одну без Марея-царевича. Так сейчас она не читала, она что-то писала в нём. И свиток не письмо, это какая-то большая рукопись. Рукопись, которую создаёт она?! Боги, я проснулся или всё ещё сплю?

Неужели это Аяя? Настоящая, живая и ещё более красивая и пленительная, чем была. Сегодня её волосы перехвачены красивыми лентами, и платье необычное на ней, богато расшитое разноцветным бисером. Она качнула ножками с постопях, тоже искусно украшенных бусинами, маленькие постопики... выпрямилась, расправляя затёкшую от долгого сидения спину, погладила кошку и посмотрела по сторонам. Мне показалось, что она смотрит на меня, хотя она никак не могла меня видеть, я стоял за кроной низко наклонившихся ветвей пышной липы, да и кусты шиповника скрывали меня. Но на мгновение показалось, что она смотрит мне прямо в лицо. Боги, как прекрасны её совершенные черты... Достоинство и спокойствие в них, у мягких губ лёгкая усмешка, не высокомерная, положенная такой красоте, но нежная и притягательная. Притягательная настолько, что я качнулся вперёд, чтобы... ещё немного, и я перелез бы через изгородь, но натолкнулся на невидимую стену. Конечное! Арикова защита, я и вижу-то Аяю только потому что он позволил мне однажды войти к нему на двор, приоткрылся для меня. Обычно, думаю, и увидеть нельзя ни двора этого, ни дома.

– Яй!

Я вздрогнул от голоса моего брата, неожиданно прозвучавшего совсем рядом. Она обернулась, тут я и увидел его с длинным шестом, на котором висели рыбины, коптил он их, что ли? Вот делать-то нечего...

Я увидел моего брата, идущего с другой стороны двора, нет, не коптил ещё, только собрался, к печи и несёт и хочет, чтобы она ему с коптильней помогла. На кой чёрт ему помощь, когда он взглядом может куда угодно любой предмет двинуть. Он просто хочет, чтобы она... ему приятно взаимодействовать с ней даже в мелочах. Я бы сам так сделал... Сделал бы... Эрбин...

Арик повернул голову, хмурясь... чувствует меня, моё присутствие, ещё немного и увидит. Надо убираться, пока они возятся со своим уловом...

Я ушёл. Но только для того, чтобы вернуться много и много раз ещё. Подходил с разных концов их огромного двора, так же украдкой я разглядывал Аяю, размышляя над тем, как сделать так, чтобы... Как мне похитить её, вот о чём я думал неотступно, не замечая даже того, что происходило у меня дома.

Хотя там нечего было замечать, всё шло своим чередом. Так прошли все летние месяцы, мой сын подрос, во всю агукал, тянул ручки и улыбался, крепкий, пухлый малыш, похожий на свою мать. Но я будто и не видел обычного, такого привычного моего мира, в котором я пребывал все годы, всю свою тысячу с лишком лет. И только Аяя меняет мой мир. Она изменила его с первой нашей встречи, когда я запомнил странную девочку, говорившую со мной возле мельницы своего отца... И оставаться в той же уютной барсучьей норе мне становилось невыносимо, душно и тесно. Я стал иным давно и все эти годы жил по привычке только потому, что не сомневался, что той, что изменила меня, в живых больше нет.

Но она жива и я опять ожил, я живу иначе... и продолжать прежнюю привычную жизнь становилось всё более невыносимо с каждым днём. Я не мог не ходить подглядывать за Аяей и Ариком, и понимал, что это проявление слабости, но ничего не мог поделать с этим. Да, я мог видеть Аяю, и это стало почти ежедневной услугой моей души. Но это же стало и моей пыткой.

Близилась осень, и я понимал, что скоро я не могу прятаться за деревьями. И что тогда? Отказаться или ждать до следующего лета? Это уже походило на какое-то помешательство. Как отобрать её? Как её выкрасть, если они не расстанутся? Я ни разу за всё лето не застал Аяю одну. Но и застань я её, смог бы я даже пройти в их двор, как я предстану перед нею? После того, что я с ней сделал. И будь только мой собственный грех, я смог бы, я уверен, уговорить, умолить, выпросить прощения, я окружил бы её такой любовью и негой, что этому остолопу, Арику, не приходит в голову. Она у него в хлев ходит, я видал, правда ведер с молоком не таскает, но кур кормит и готовит, хотя он сам отлично справлялся раньше.

Не-ет, я поступал бы с нею иначе. Она стала бы той, кем достойна быть, кем родилась. Я осыпал бы её золотом, его у меня столько, сколь нет ни у кого на всех берегах Великого Моря. Я построил бы ей дворец. Я отнял бы дворец у Марея, теперь царя Могула. Да не просто царя, царя царей, чтобы она могла быть моей царицей царей. Пожелай она, я бросил бы к её ногам всё приморье и завоевал бы все земли. Мало, чего я не могу в этом мире, и я сделал бы всё, только бы она стала моей.

Но как подступиться после того, как я отдал её на поругание моим рабам?! Пусть всё было иначе, и они ослушались, но разве я не виновен?.. Как вымолить прощения за то, что они надругались над нею все вместе и после гнали её как зверя по лесу, угрожая убийством? Я не понимаю, как ей вообще удалось убежать, тем более непонятно, как она ушла от погони, но это, конечно, Ария заслуга, отвёл глаза им, спрятал её... Вот потому она с ним и осталась, куда ей было идти, если Марей-царевич предал, родителей нет, брат сторговал с выгодой для себя. Арик и не пустил, конечно, такую рыбку поймал. А не любила его, вот он и пьянствовал тогда, когда рассказал мне в пьяном бреду о ней. И ревновал, и ревнует до ослепления, ежели даже мне, брату своему, не показал, не представил её. И замуж ведь за него не пошла она...

Может быть, Марей-царевича всё ещё любит? У женщин это случается сплошь и рядом, и бьёт, бывает, и топчет, а она любит, не предаёт...

Но Марей-царевич, мой дорогой зятьёк, уже мне не соперник, ему до Аяи, полагаю, и мыслей-то нет давно, в такой выси теперь парит, так широко крыла расправил, на что ему вспоминать ту полудетскую любовь и первую жену? А ведь, ежели разобраться, коли Аяя жива, так Арлана и дети её незаконные при Марее-то. Первая жена и есть царица, не моя дочь...

Пообещать Аяе трон, возвратить её законное место... теперь не одного Авгалла она царица, но всего приморья, мало кто может отказаться...

Я ещё летом ухитрился бы выкрасть Аяю каким-нибудь манером, если бы не Мокшен, Трик и Жаба и то, что я стыдился их преступления, осознавая свою вину. Потому я мучился теперь этим своим соглядатайством и ощущал своё бессилье. Однако ж, вскоре зима подкатит, надо что-то с этим решить...

А для начала надо увезти Игриву из моего терема... А-нет, неверно. Арик знает этот дом, он придёт сюда за Аяей, другое место надо найти. Оставить здесь Игриву с Заряном, Белой и Серой, пусть живут в довольстве, к лету перевезу в город, в чаще здесь им тяжело будет без людей, когда я оставлю их. А теперь надо бы припасы пополнить, чтобы хватило до весны, и найти новое прибежище для себя и Аяи, достойное её, и при том такое, где я смогу спрятать её от Ария. Он найдёт, но не сразу, за это время, она мне уже и ребёнка родит, а тогда никакой Арий мне не страшен. Когда-то я сам сделал её бесплодной как ледяная скала, потому у них с Арием детей-то и нет, но и на снегу птицы выют гнёзда, а Аяя в моих руках из этой снежной глыбы самой плодородной почвой сделается, это так легко, что не стоит даже думать иначе, ни одна женщина не ушла от меня без приплода.

И потому всю осень я занимался тем, что искал дом достаточно богатый и красивый, чтобы быть достойным Аяи, и при том уединённый, спрятанный от глаз, вдали от дорог. Это задача была непростая, я даже подумал, построить дом наново, но чтобы я был доволен, займёт слишком много времени, жаль, что у меня не было больше слуг, которые обежали бы всё приморье и нашли бы для меня подходящее место. Но я не могу доверять никому, даже при моей способности воздействовать на память людей, я не хочу, чтобы был хоть кто-то, кто будет знать, где моё тайное убежище.

Тем временем, Арий пару раз упился зелёного вина до тяжкого моего похмелья и, вопреки обыкновению, я, страдая от дурноты и головной боли, радовался в эти дни, понимая, что, вероятно, они поссорились там, в своём раю, которому я так мучительно завидовал.

Но Повелитель Зла вовсе не был прав насчёт того, что Аяю я хочу из зависти к счастью брата. Моё вожеление куда старше этой зависти, возникшей при виде их вместе. Я хочу её для себя, не для того, чтобы отобрать у него, или насолить ему. Сейчас об Арике я помнил в последнюю очередь, только потому, что он оказался там, где она. Всё было бы намного проще и значительно приятнее, если бы Арик не имел к ней отношения. Я вижу, он её любит, взбесится, опять землю трясти начнёт...

Я утомился в поздний предзимний чернотоп в моих поисках и вдруг мой конь, такой же усталый и понурый, как и я сам, сбился с тропы, по которой я ехал и вот, едва ли не на закате я оказался посреди густого соснового леса. Я не заметил, как съехал с дороги, потому что задумался, предоставив моему коню самому выбирать путь, отпустив почти поводья, задумавшись о том, как много переменилось за прошедший год и с той поры, как царь царей Могул, теперь и полноправный царь Авгалла, получил в свои руки всю полноту власти.

Удивительно, какой порядок царил во всё приморье. Он сделал это, конечно за те годы, что уже был царём царей, и само приморье, наш древний возрождённый им Байкал, конечно, не такой великолепный, каким было наше древнее царство, но уже более многолюдный, чем наш, всё приморье было счастливо его полному воцарению и готово к нововведениям. А они произошли: он объявил и закончил давно начатое подведение всех без исключения законов

к единому образцу, монет, правил торговых расчётов, и войск. Теперь был единый главный судья и главный воевода. Не каждый царь со своим войском союзники Могула, царя Авгалла, но одно объединённое войско и над всем им царь царей Могул, ему подчиняется главный воевода, а цари Севера, Востока и Полдня и Восточного Полдня, входя в военный совет царей вместе со своими воеводами. Единый герб и стяг для всех, тот самый наш, возрождённый стяг Байкала: алое полотнище с золотой короной, со вставленными в её обод синими яхонтами, эта корона – объединение Солнца и Моря, наших Богов, в одно, алый же фон – это свободный и благородный народ Байкала с горячей кровью и чистыми помыслами. И уже подумывали и всерьёз обсуждали новое название приморья, всех объединённых царств под тем самым, древним, славным, не забытым названием. Думаю, к Зимнему Солнцевороту объявят новое название объединённого единого царства. Удивительно способный, сильный человек оказался Марей-царевич, мой дальний потомок, мой зять, победивший некогда противник, царь царей Могул. Что ж, я проиграл, но проиграл достойнейшему.

Вот именно об этом всё я задумался, когда мой каурый сбился с тропы и забрёл в чашу.

– Это куда ж ты меня привёз-то, а, Каурка? – проговорил я, растерянно оборачиваясь. – День-то к вечеру, а ну как волки придут бабок твоих жирненьких покусать?.. Э-эх, наддать бы тебе сейчас, да помчишься, глупое ты мясо, ещё хуже заблудимся.

Меж тем я прислушался. Вроде шум приборя одесную, поеду-ка туда, с берега легче будет разобраться, куда направляться дальше. И не более пары тысяч шагов я проехал, когда очутился на берегу пологой бухты замечательной красоты, с одной стороны отгороженной от сиверка высокой скалой, с другой – горной грядой, с поворота спускающейся сюда к самой воде. Удивительнее всего был высокий терем, совсем новый, из золотистых ещё брёвен, высоким коньком и пристанькой для лодки. Вот так находка.

– Каурка... ну ты и завёз! Вот это замечательно завёз! Будто думки мои тайны читал, покуда шёл сюда... Пшеницы самолучшей тебе насыплю, помни, с сего дня в неделю и преднедельник, как сегодня стану тебе вместо овса и сена пшеницу давать. И каждый день давал бы, да не страшусь Бога Солнца прогневить...

Я спешил, потрепав своего чудесного коня по гриве, и пошёл к терему. Недалеко от крыльца забрехал рыжеухий пёс, я цыкнул на него, но он не унимался, пока не вышел хозяин, молодой щекастый мужик с золотистой бородой.

– Ты кто это? Коли со злом, у мене лук здесь, и... – удивлённо проговорил он, и вправду поднимая лук, что держал в руке

– Не со злом я, послушай, – сказал я, поднимая открытые ладони.

Мне его стрелы – тьфу, даже к цели не прилетят, но зачем ссориться, если всё можно решить миром. А вернее, золотом.

– Кто ты есть?! – бледнея, проговорил он. – И как нашёл нас? Я этот терем в большой тайне строил, чтоб ни одна душа... Ты... От отца нашего?

«Нашего»? – удивился я, с кем это он тут прячется от общего отца?

– Я не знаю твоего отца, – сказал я. – Выслушай, я лиха не принёс.

Но тут на крыльцо выскочила из дома юная девчущка, лет пятнадцати не больше, бледная от страха, рыжеватые коски в разные стороны, похожи они, и верно сестра. Это что же тут творится?..

– Лиха не принёс, а чего?

– Кто это, Гигун? От батюшки? – испуганно спросила девчущка.

– Иди в дом, Гайя, не бойся, – сказал Гигун.

И по именам этим я вспомнил, что на рынке давеча слышал разговоры о том, что сын богатого Каюмского купца Гигун, сбежал вместе с сестрой, которую отец пообещал в жёны своему торговому товарищу с восточного берега, тому шестьдесят лет, а Гайе этой едва минуло четырнадцать. Сын взбунтовался, отстаивая сестру, но отец был непреклонен, ему был очень

нужен восточный богач, владелец целого флота лодок, на которых их отец переправлял бы на тот берег свой товар. Свадьбу наметили на предстоящую зиму, вот и сбежали брат и сестра, оскандалили отца на весь северо-западный берег... Так вот кто это такие.

– Зря вы так близко от Каюма терем-то поставили, Гигун, – сказал я. – Полдня пути нету, полтора уповода всего. Найдёт вас отец и отправит Гайю на Восток.

– Не бывать тому! – белея от страха, проговорил Гигун. – Передай ему...

– Я не от твоего отца, я вовсе его не знаю. Слышал болтовню сегодня на базаре, вот и всё, – сказал я, опуская руки. – Мне нужен твой дом.

Он тоже опустил лук, удивлённо глядя на меня.

– Кто ты?

– Не важно, кто я, важно, что я могу заплатить тебе столько золота, сколь стоят три таких терема. Вам уехать надо, подальше от отцовского гнева, коли вы грешники, свалялись друг с другом, – чувствуя отвращение при мысли об этом, сказал я.

– Да нет... – он захлопал рыжими ресницами. – Никогда я... Но... мы сироты, а энтому Мглою узкоглазому стока лет, скока нашему деду, а батюшка Гайю за него... Рази ж можно так?

– Не мне решать, сами судьбу построите себе, – уже легче проговорил я. – Бери золото, Гигун и езжай на полдень, али в Авгалл, столица – большой город, затеряетесь с золотом, замуж сестру выдашь за молодого, раз уж ты такой добрый брат.

Мне пришлось ещё некоторое время уговаривать его, и даже приплатить ещё, чтобы только они согласились убраться отсюда. И, когда через несколько дней, я приехал сюда осмотреться, то остался очень доволен: обширная подклеть, просторные сени, две большие горницы в нижнем этаже и светлица на четыре стороны наверху. Печь, широкие ладные лавки, большой стол, больше здесь ничего не было, купеческие дети всю утварь и ковры забрали с собой, на нескольких подводах увезли, судя по следам на мягкой траве у дома. Налегке надо было ехать, не тащить тюки с кулями, жадность может погубить их, выдать...

Теперь, пока будут мне тут обустройства всё, надо придумать, как Ария из дома выманить одного, чтобы застать Аю врасплох...

Глава 4. Сладость и горькие слёзы

– Ты что это, опять пьёшь? – едва не задохнувшись от разочарования и злости, спросила я, чувствуя, как безмерная усталость разом овладела мной, до чего же я ненавижу пьянства!

По его лицу уже издали я поняла, что когда-то успел набраться, едва за полдень переваляло, а он... С чего – ясно, за вечерей накануне он подал мне маленькую чарочку с сильно пахнущими анисом каплями, я сразу поняла, что это, посмотрела на него.

– Огнюша, – вздохнула я, – опять то же...

Мне надоело говорить об этом, надоело объяснять, что бесполезно всё, только бесплодные надежды: загораешься, ждёшь, дни считаешь, прислушиваешься к себе всякую минуту, и всё втуне.

– Ты летом о тревогах говорила, уж зима на носу, а жизнь в приморье только лучше день ото дня, с воцарением Могула, сама видела, ещё лучше стало всё. Байкал скоро почти тем Байкалом станет, что я помню с детства. А ты... ты всё упираешься, всё не хочешь, не хочешь от меня... – сказал он, и побледнел, зрачки разошлись к границам, от чего его, всегда такие светлые, совсем прозрачные глаза сейчас казались почти чёрными.

– Так и хорошо, коли я в своих предчувствиях ошибаюсь, и славно, значит всё само собой и ухитится. Боги управляют судьбами, и смертями, и рождениями.

– Опять ты... Боги, всё само... – он совсем побелел, возвышаясь надо мной, как раскаляющаяся скала. – Выпьешь?

– Огонь... – я вздохнула.

И уж готова была и выпить, только бы отвязался, хотя и знала, что толку не будет, пила я уже и сама травы эти все, еще лет восемнадцать назад и потом не раз, всё надеялась и всё без толку. Но не успела я согласиться, как он размахнулся и шваркнул чарку в стену, она жалобно тренькнула перед смертью и разлетелась в брызги. Разбив снадобье, он зло уселся за стол и, взявшись за ложку, проговорил:

– Ох и гадюка ты, Яя, – качнув головой, и не глядя на меня. – Спишь со мной и то из милости. Из милости, али из жалости, кто вашу натуру бабью разберёт...

– Что ж ты... городишь-то?! – задохнулась я. Ну уж после стольких лет вдруг обвинять в энтот, с чего и взял-то такую дурость!

– Да с того! Вчерась не хотела, еле уломал! – зло зыркнул он.

– Прям уж, уламывал! Цельный день с тобой на самолёте взмывали, замёрзла и устала, ну и привяла, сон сморил, чего обижаться-то? Силушки-то у меня помене твоей! – почти обиделась я.

Он только отмахнулся.

– Начинай! «Помене», молодая ты, не прониклась ишшо до краёв силой-то, в твоё время у меня вдесятеро меньше было.

– Самолёт ты один поднимаешь! – рассердилась я, сравнил, тоже мне.

– Если бы тебя не было, и никакого самолёта не придумалось бы даже, будто не знашь! Тебе больше дано, ты...

Теперь я отмахнулась.

– Про зверё ещё напомни!

Он сверкнул зубами, зло усмехаясь:

– Ах да! Позабыл совсем! Ты ж у нас Селенга-царица! Куды мне, лесовику замшелому до повелительницы всех зверей и птиц!

– Про рыб позабыл ишшо! – улыбнулась я, надеясь перевести глупую ссору в шутку и, наконец, посмеяться вместе.

Но я неверно рассчитала, вместо того, чтобы расслабить плечи и перестать зудеть, он взорвался.

– Да что там рыбы!.. – он шарахнул по столу ладонью, отшвырнув ложку, поднимаясь, весь бледный, губы сжал. – «Рыбы»... Могул, царь царей на уме у царицы! Вот и всё! Все твои капризы, всё от того!

– Да ты... – я отшатнулась, будто от удара от его слов и тоже поднялась, выходя из-за стола, на котором так и осталась стынуть отменная рыбная уха. – Дурак! Ох и дурак же ты, царский сын Арий!

Я даже полотенце швырнула в него, в грудь попала дураку... С тем и вышла из горницы.

– Ещё и какой дурак! – выкрикнул он мне вслед.

Выскочила поспешно, неодетая, а на дворе холод, только что дождя нет... Но отправилась в хлев, в конюшню просто так, на скотину поглядеть. Они глаза на меня подняли, смотрят, понимают будто и сочувствуют. Муукнула бурёнка, вытянувшись ко мне большим розовым носом, лошади потрясли головами и гривами, будто говоря: «Чепуха, перемелется». Здесь было тепло, парко от их дыханий и больших тел. Я погладила их по тёплым шкурам, потрепала загривки, задала корма и вышла, потому что здесь вычищено, как всегда, Арий каждый день следит, рукой поведёт, всё само сметается, убирается, он усилий не затрачивает. Так что мне тут и делать было нечего, только что погладить каждого с лаской и благодарностью.

На дворе ветер раскачивал наш красивый ветряк, который показывал и направление ветра и, даже, будет ли дождь, али снег. Хитро были связаны между собой тонкие и более широкие пруттики и пластинки, нарочно отлитые и искусно выкованные для Ария из меди, он соединил их между собой, связал тонкими и крепкими нитями из жил, так что они легко ходили вокруг друг друга, вращаясь и поворачиваясь, а мы по направлению указателей понимали, какова будет погода к вечеру, али к обеду. И так, конечно, по облакам, по влаге в воздухе, по ветру или его отсутствию было ясно, что будет, но потому и было так интересно наблюдать за этим чудесным устройством, правильно ли покажет. Мы даже записывали всё, что показал наш ветряк, чтобы после проверить много ли врёт. Вот когда сильный слишком ветер был, он врал, потому что болтало его как серёжку у танцовки. Вот такой как сейчас ветер, а к ночи ещё разгуляется, снять надо, сорвёт ещё, поломает. Потому я сняла замысловатый прибор, длинный, почти в мой рост, так что нести пришлось на поднятой руке, да всё норовил за платье моё уцепиться. В сенях повесила на крюк и вошла в горницу.

Арий успел куда-то уйти, горшок так и стоял на столе, даже ложки своей брошенной с пола не поднял. Я убралась, и уху убрала со стола, захочет, поест, на виду стоит. Я так и не дождалась его до ночи, заснула. Спал на лавке, должно, на печь не пришёл, а на лавке утром я тулуп его нашла, вот как озлился на пустом месте. Со скуки его разобрало что ли? Так съездил бы в город куда, не любит, когда я с ним езу, злиться, что глаза на меня пялят, али одаривают в торговых рядах, кто яблочком, кто ленточкой.

С утра, как всегда, рано встал, и вот каким я нашла его после полудня. Может он и не с утра, а с вечера пьёт, кто его знат... И где только вино энто прячет, давно покупать вроде перестал, выливала столько раз, да и нечасто бывает такая вот ерунда, забываю от раза к разу, а всё ж совсем свою нехорошую склонность не забывает. Дурная я всё же женщина, коли мужик вот так-от... Вот сейчас на мои слова поднял голову свою русую и посмотрел вызывающе, белыми от вина глазами в красных прожилках:

– Ну и набрался! – даже охрипнуть успел. – Вам что? Хочу и пью!.. Моего ума дело!.. ходит тут... Похмелье и то у моего брата, не у вас же, царица вы расцарица!.. Идите, лучших вспоминайте, так не свезло вам с таким вот обормотом связаться!

Я только вздохнула, что тут скажешь? Что и говорить, сам жалеть будет, коли вспомнит, когда протрезвиться...

После того, как было найдено и обустроено по моему вкусу в идеальном и, пожалуй, самом красивом месте из всех виденных мной на берегу Моря, я установил заградительную магию и куда более сильную, чем в моей долине, благо здесь вся природа располагала к этому. Все, кто работал на обустройстве, были угощены мною чудесным вином, так что уже в корчме, где мы сидели, перестали узнавать меня...

И всё это время я думал, как бы мне выманить Арика из дома, чтобы Ая осталась одна, потому что за все месяцы, что я ходил мучиться – следить за ними, я ни разу её одну не застал. Как-то из лесу при мне пришла с травками, так и то он напустился, чтобы не смела одна уходить. И сам не отлучался без неё... Случай помог мне, вот в этой самой корчме, где остались гулять столяры да плотники, что доделали мне терем.

– Жена заболела, никак не поправится, кила какая, что ли, с нею, не знаю, хоть Галалия зови, – сказал один толстомордый мужик другому, примерно такому же, сидевшему напротив.

– Ну уж и Галалия сразу! Ещё Сингайла вызови. Вон потворная баба Яговита в соседней деревне живёт, съезди, она тебе за куну всю семью вылечит.

– А не вылечит? Жалко жану-то, у нас детей сем человек!

– Не вылечит, и позовёшь Галалия. На что лекари да потворные бабы, коли всякий раз чудесников звать? На всё приморье ихних силов не хватит, расплодились-от как.

– Энто верно, Каюм как Авгалл старый стал, а сам Авгалл раза в три противу прежнего, что до пожара был...

Дальше они заговорили о столице, о том, что скоро ярмарку там объявили, со всего приморья съедутся... А я пошёл с радостной мыслью, что нашёл наконец, способ удалить Арика ненадолго из дома и так, чтобы он Аяю с собой не взял.

Протрезвев на третий день, я проснулся рано, затемно и до позднего осеннего рассвета. Полежав ещё некоторое время на жёсткой лавке, где я отлежал бока за эти две ночи, что не забирался на печь с пьяной злости и надуманной ревности, я сел, сбросив душный тулуп, который укрывал плохо, потому что голые ноги торчали наружу и неприятно остыли во сне, хотя, кажется, хорошо натоплено в горнице. Сейчас я испытывал угрызения совести, вот для чего я опять вспомнил Марея-царевича? Для чего?! Тем более что он теперь стал великолепным Могулом, вызывающим восхищение даже во мне. Ведь, что бы я о нём ни думал, а он почти возродил Байкал тысячелетней давности. После стольких лет, столетий даже, мира не мира, то вражды, то замирений, то согласия, то споров за какой-нибудь дрянной плетень или пересохшее болото, из-за чего выходили с воями драться друг с другом соседи многие сотни лет, теперь, благодаря ему, все забыли распри, соединились, наконец, причём готовы забыть закрепившиеся за эти сотни лет различия и уже снова привыкли друг к другу, будто и не разделялись никогда.

И я, из одной ли зависти к тому, что Марею-царевичу, именно ему, и всего за жалкие два десятка лет удалось то, чего не мог никто, чего не смогли сделать мы с Эриком, сумевшие только разрушить и нашу великолепную столицу, и поспособствовать разделению и упадку нашего Байкала. Мы не придали значения пророчеству Вералги, предостерегавшей нас обоих от ссор и разногласий, которые будут губительны для всех вокруг. Мы вели себя легкомысленно, как мальчишки, играющие с деревянными солдатиками. И даже увидев подтверждения её правоты, мы не остановились... И вот нашёлся тот, кто сумел превозмочь всё, собрать и восстановить то, что разрушили мы. Как сказала Аяя когда-то с упрёком, мы с Эриком похерили великое царство. Верно, мы, два предвечных, два великих брата, от которых происходят почти все сегодняшние народы Байкала, могли только рушить. А он даже не воссоздал, он наново строит. Так как же мне не ревновать? Будто не мог он, этот царственный Аяин муж, оказаться развратником и бездарным дураком! Вот именно он, именно он, он и никто иной сделался Могулом!

Я опять разозлился, да так, что заколотилось сердце, вот, небось, Эрик страдает-то опять, бедняга от моей несдержанности в питии... Прости меня, брат. Порочная слабость, ни до чего алкоты в моей душе нет, ни до славы, ни до злата, ни даже до вина этого треклятого, так, по слабости и прикладываюсь, потому что чувствую себя бессильным перед самим собой из-за того, что единственная, кого я алчу всем существом моим, любит и желает меня меньше. Меньше, чем его когда-то... «Сотами для его мёда» она была, так она сказала много лет назад... не могу забыть тех слов. Не могу и страдаю всякий раз, когда хоть капля сомнения в её любви входит в меня. Эта капля сразу превращается в каплю яда и разъедает моё сердце...

Ох... я поднялся, воды попить, от жажды и сухоты даже губы горят. Что же я извожу сам себя опять? Что я снова Нечистого призываю своими сомнениями? Откуда они берутся всякий раз? Не иначе как Он и присылает их...

В горнице достаточно светло от масляной лампы с невысоким фитильком, мы оставляем свет на ночь с давних, памятных пор, когда тьма сгущалась нашествием демонов из углов, теперь мы просто не впускаем тьму в наш дом. Целая кринка молока стояла на столе, прикрытая салфеткой, и вода в серебряном кувшине. Знает Аяя, что мучиться от жажды буду... похмелья не бывает, но тело есть тело, отравленное вином, требует противоядия и очищения. Как и сердце, отравленное ревнивой мукой, требует теперь ласки и нежности. Никогда от неё я ничего кроме любви и счастья не получал за столько лет, но всё же нахожу в самом себе за что помучить её и себя. А заодно и Эрика моим похмельем...

Напившись воды и молока попеременно, я умылся, пригладил всклокоченные волосы, да, пожалуй, и расчесаться надо, не то колтун будет...

Почувствовав себя свежее и бодрее, я, приподнявшись, заглянул на печку, будто опасаясь, что Аяя там нет. Нет, здесь. Здесь ты, милая...

Сбросив одёжу, я забрался на печь, стопориться будет, конечно, но простит, простит, она добрая и любит меня, я знаю, что любит...

Тёплая тут на печке, размягчённая во сне, податливая и сладкая, она обняла меня вялыми со сна руками.

– Проспался... – прошептала она, смыкая руки на моей шее.

– Прости, что ль?

– Ох и дурень же ты, Арий... – шурясь, она прижалась ко мне лицом и тихонько засмеялась, потягиваясь и прижимая меня к себе.

– Чё же не простить... милого моего... милого такого... – выдохнула, сладко улыбаясь и всё ещё не открывая глаз. – Ох и вонючий, фуй!.. не дыши...

– Любишь, значит, дурня? – счастливо смеясь, спросил я, целуя её шею, плечи, стягивая рубашку с её груди.

– Как же тебя не любить-то? Милый... ох и милый...

– Твой, значит? Всё же твой... не прогонишь? – я приподнялся, над нею, заглядывая в её лицо, освещённое чудесной улыбкой.

Уже не сонные, счастливо светящиеся глаза, даже в этом полумраке напечном они светят... коснулась кончиками пальцев моего лица, губ, сдвинула ласковой рукой тщательно расчёсанные перед тем волосы. Я же не в силах дольше терпеть, от вожделения у меня разгорелись уже не только чресла, живот, и все внутренности, но и голова, кажется, с волос сейчас полетят искры. Не спал с ней два дня... внутрь, глубже, ещё... ещё... как горячо, как сладко, вот, где жизнь... моя ты жизнь, Яйка...

...Она обняла меня, приклонившись ко мне лбом, щекоча дыханием. Я обнял её, выпрастывая руку.

– Прости, правда, Яй... я не буду больше, – куда-то ей на лоб, на волосы прошептал я.

Она только крепче прижала меня к себе...

...Будешь, чего там, недолго и молчал на этот раз. Как только чем будешь недоволен, тут же опять и вспомнишь... эх, Огник... А всё одно, милее тебя никого нет...

Через пару дней всё забылось, Ая никогда не вспоминала обид, никогда не упрекала после моих пьянок, умела как-то закрывать двери в прошлое, это я всё норовил открыть, глупый, глупый человек... Но и её терпение и прощения были плохи, будь она жестче и злее, наверное, я и вовсе пить перестал бы, опасаясь её гнева. Но была бы то Ая? И любил бы я ту Аю так же?..

Ведь я и пил-то со страху, что уйдёт однажды. Ведь хотела, и раньше, и вот этим летом, когда едва не нагнал её Нечистый. Как же мне было не бояться, скажите? Скажите?!

Этим утром мы увидели полощущийся на высоком шесте красный флажок. Этот условный знак для вызова Галалия существует уже не одну сотню лет. Вызывают, к счастью, редко, и значит, где-то приключилась болезнь и людям нужна помощь. Сингайла, кстати, вызывают флажком белым, и шест тот стоит немного выше в скалах. А под шестом устроен закрытый ларь, куда кладут послание. Вот за таким посланием я и пошёл этим утром, принёс как раз к утренней трапезе.

– Ну что там? – спросила Ая, обернувшись на меня, входящего из сеней.

– Холод лютый, к ночи, думаю, снег упадёт, – сказал я, снимая зипун и шапку и подходя к теплой печи, чтобы прижать озябшие руки, позабыл рукавицы, когда уходил, не думал, что этаким мороз.

– Да я не про то... – улыбнулась Ая, раскладывая ложки на скатерти и ожидая, что я переставлю горшок с кашей на стол из печи. Она почти никогда не касалась горшков, только пока стряпала, в привычку вошло, у нас и ухвата-то не было. – Садись, скорее, согрейся, каша славная вышла сегодня, сладкая.

Я подошёл к ней, обнимая сзади, забираясь ладонями к грудям.

– Это ты сладкая, – я зарыл лицо в её волосы, жмурясь от счастья и блаженства.

– Ох и баловник, Огнюшка! – она легонько оттолкнула меня спиной и ягодицами. – Ледяные руки-то, совсем застыл.

– Вот и согрей, моя печечка... – прошептал я, играя, скользя ладонями вдоль её тонкого гибкого тела.

Я всё же послушал, я, действительно, был голодный, да и она ждала меня с трапезой. Мы поели наваристой каши, жёлтой от масла, с распаренными ароматными сладкими ягодами, сладкой от мёда. Я запивал холодным молоком, от чего сочетание становилось ещё лучше.

– Горло не застуди гляди, – сказала Ая про молоко. – Не то сипеть будешь, как в прошлую осень.

Верно, было со мной такое прошлой осенью, вот в такой же черностоп, почитай полмесяца я без голоса ходил.

– Недосуг, однако, простывать, Яй, – сказал я, облизывая ложку. – Надо мне в деревню за горою отправляться, нехорошая заразная болезнь там. Я недолго, дня на два.

– Как это «мне»? – Ая посмотрела на меня. – А я что же?

– Нет, Яй. Там зараза, вся деревня, похоже, пропадает, не дам я тебе даже приближаться. Сам я знаю, как защититься...

– Ты знаешь... Так и я знаю, ишь придумал! Нечего, вместе пойдём, куда ты, туда и я. Что я сидеть тут и ждать буду от беспокойства помирать? Даже и не думай!

Я выпрямился, ну вот ещё, придумала, нечего и думать её с собой взять, там моровая язва и я возьму с собой её, чтобы...

– Послушай, Яй, только не спеши перебивать, – сказал я, приглаживая волосы. – Мне там холодная голова нужна. Я не должен думать, как бы мне тебя уберечь, я должен просто помочь людям и всё. Я быстро вернусь. Давай соберём необходимое, да и отправлюсь.

Она вздохнула, нехотя соглашаясь с моими резонами, и послушно помогла мне собрать всё, что должно понадобится: инструменты, снадобья, колпак с прорезями для глаз, чтобы не вдыхать заразных испарений, перчатки с пальцами, из очень тонкой кожи, несколько пар, сжечь их после, и списки с усовников для лекарей местных, не моё дело за всеми ходить, моё – научить, как сделать, показать. А потом смотрела, как я одеваюсь, принесла вязанку и пушистой белой козьей шерсти, очень тёплую, связала на днях.

– Надень, самая тёплая из всех, – сказала Аяя, каким-то грустным голосом и лицо её бледно, растеряно даже.

– Нет, Яй, перепачкаю, сжечь придётся, нет, старое надену, что не жаль.

Она кивнула грустно и принесла две старых, чёрную и серую, повиытерлись уже немного... Я обнял её на прощание.

– Яй, не грусти, со двора не уходи, тут тебе никто не страшен. Два дня и я буду дома.

Она посмотрела мне в глаза, чуть-чуть выгнувшись в моих руках.

– Огнюшка... – и коснулась щеки ладошкой тёплой. – Ты только себя-то береги, слышишь? Не суйся в опасное, помни, что убить тебя можно, болость то же оружие, не хуже стрел...

Я увидел, что у неё слёзы в глазах, чуть сморгнёт и потекут.

– Ну ты что? – я притянул её к себе, податливую, прильнувшую всю ко мне.

– Не знаю... не могу без тебя-то, Огник... Огник... вертайся поскорее.

Я поцеловал её так, как мне хотелось, как хотелось, чтобы остаться... Будто, чтобы часть меня хотя бы, если не могу весь, осталась дома. Вот как люди воевать уходят от жён?..

Она смотрела с крыльца, как я выводил коня, как седлал, как садился, стояла, обняв саму себя за озябшие плечи. Я привязал тороки, проверил ещё раз и обернулся снова на крыльцо, на замёрзшую, на ледяном ветру Аяю, белые «мухи» уже появились в злых порывистых потоках ледяного ветра. Я шагнул к ней, оставив коня, и правда, чувство, будто я на год уезжаю, с чего такая тоска сердце давит? От мглы и погоды, должно...

...Огник уехал, а я взялась плакать. И что лились глупые слёзы непонятно, подумаешь, на пару дней уехал, не первый раз и даже не в десятый он уезжал по таким делам, да и в город ездил без меня, никакой тоски я не ощущала, чего ж сегодня-то в слёзы кинулась? Будто тяжкие предчувствия всех последних месяцев теперь приблизились ко мне и дают и холодят осенним ветром и мглой, низкими тучами, здесь, высоко над Морем даже цепляющиеся за деревья и порой днями висящие без движения со своими холодными дождями, выливая их в нашем лесу.

Наплакавшись, я решила, что пора выйти из дома и хотя бы кур покормить, скотину проведать, всё это, чтобы перестать тосковать, хотя бы перестать думать, а там, может книги помогут, так обычно... Надела душегрею, платком перевязалась накрест, тёплые чулки, одевалась обстоятельно только, чтобы чем-то себя занять, чувствовать себя как обычно, не думать, что за причина у моей тоски-назолы...

Глава 5. Вьялица

Я страшно замёрз, даже инеем-куржевиной покрылся, поджидая Аюю, после того как увидел, что Арик проехал мимо меня в сторону небольшой, но достаточно отдалённой от скалистого леса деревни. Пришлось мне насрать на бедняг ратаев мор, чтобы они призвали Галалия, как было заведено в таких случаях. Сингайла зовут к царям...

Наконец Аяя вышла на крыльцо, смешно по-детски перевязанная тёплым платком. Едва она спустилась со ступенек и повернула к сараям, где у них располагались хлев и птичник, я швырнул в неё полено из сложенной рядом поленницы, оно рассчитанно ударило её в затылок, оглушив, и она упала. Прости, Аяя, я навредил, я и поправлю...

Удивительно, едва Аяя лишилась чувств, защита, установленная Ариком, сразу ослабла, я ощущал её, как сеть напряжённых струн, натянутых вокруг их двора и сходящихся внутрь, затягиваясь вокруг неё. Арик закрывал и защищал не просто свой дом, он закрывал её. Никто, кроме меня не смог бы даже увидеть этого дома, тем более войти на двор. И я бы не смог, если Аяя была в себе, каким-то образом он сумел её сделать главным узлом, как именно, мне было непонятно, но сейчас было недосуг думать об этом.

Напружинив всю Силу, я перелез через изгородь, мне показалось даже, что у меня ободралась кожа, будто я сквозь колючки протиснулся. Подойдя к лежащей на земле Аяе, я взял её на руки, ещё не веря, что всё происходит на самом деле, и поспешно, почти бегом покинул его двор, будто опасался быть застигнутым. Как настоящий вор. Пришлось перекинуть Аяю через седло, потом уж взобраться и пересадить получше, чтобы не везти кулём. Я обнял её, притулив к себе, взглянул в бледное лицо... Аяя... Неужели это возможно, что я вижу тебя так близко? Сколько я вспоминал, сколько воображал, сколько думал о тебе, сколько и следил за тобой издали, подслушивая разговоры, и вот ты, в моих руках... Так близко её чудесное лицо, я помню, как видел его той ночью, одной той ночью и помню все эти годы, оно не изменилось и во мне только выросло вожделение и страсть безо всякой меры. А теперь закружились снежинки, оседая на её лице, волосах, путаясь в ресницах.

Я поддал коню под бока, ничего Аяя, подожди, доберёмся до места, я приведу тебя в чувства, но ни мигом раньше, пока потерпи...

Вьялица шла за нами по пятам, будто нарочно, чтобы замести наши следы, как я подгадал-от ловко, словно нарочно. Но не наши, мои следы, ведь Аяя не уходила со мной, я уносил её...

Но и добравшись к середине ночи до моего тайного убежища, я не стал спешить с тем, чтобы вернуть Аяю в сознание. Положил на ложе, застланное меховым покрывалом из шкурки самых нежных мехов седоватых соболей. Печи успели прогореть, хотя и держали тепло, как и положено, но надо добавить дров, не то поднявшаяся вьюга выстудит дом к утру.

Я развязал дурацкий платок, что скрывал её от меня, я не забыл какая она, я забыл всех моих женщин, но её я помнил. И сейчас, бледная и безучастная, она лежала передо мной похожая на тряпичных кукол, в которых играли мои дочки, у неё, как у тех кукол такие же длинноватые ручки и ножки, такая же послушная мягкость в теле...

Конечно, я чудовище, потому что, глядя на неё сейчас, я почувствовал волну возбуждения, горячо растекающуюся по моему телу...

Ну а чего ещё ждать?..

Конечно, это не то, чего я хочу в итоге, это лишь... черновик, обещание, посул, но я сделал это: я снял с неё всю одежду, лаская не для неё, для себя, для своего наслаждения гладкостью и теплотой её нежной белой кожи, и, оглядев её восхитительную наготу, разделся сам... да, вот её кожа к моей, вот губы, пусть не отвечает на мои ласки, но это она... она, Аяя, наваждение стольких лет, мне казалось, всей жизни, а ведь в моём бесконечном пути она была

короче мига, но не было его длиннее, она заняла собой всего меня, всего, до дна. Теперь мой миг до дна, Аяя!..

... Ну вот... теперь... можно дышать... хотя бы некоторое время... Я укрыл её и, погладив по голове, оставил спать, да, теперь спать, никаких последствий удара не будет, не будь я Сингайл. А сам вышел на двор.

Густая первая зимняя вьялица замечает всё вокруг, всё побелело, Море, и то, глотая густой снег, кажется белым, густым, впрочем, не кажется, оно и стало густым, как наваристая уха, уже берётся морозом, плавают в нём круглые караваи льда, ледяное сало, немного, несколько дней и встанет льдом... Ночь овладела миром, они сговорились с метелью, и вертелись теперь в быстром и едва ли не зловещем танце, обнимаясь, сливаясь друг с другом, как любовники. Или это всё кажется мне, потому что я сам хочу вот так же согласно сливаться с той, что завладела мной?..

...Я проснулась, ощущая новый запах, я ещё не открыла глаза, но уже узнала этот запах. Много лет прошло, но его не забуду никогда, я тогда ещё думала, странно, что такой зрелый, как мне тогда казалось, человек пахнет как молодой, свежо, но горячо, густо...

Но этого не может быть.

Сила Ветровея давно нет, да если и где-то и есть, он должен был стать совсем стариком за эти годы. Значит, опять наваждение...

Я пошевелилась, поворачиваясь, подо мной мягкий мех, судя по всему, соболь, он щекочет обнажённую кожу, колется... но мне кажется, я вся в колючках, будто попала в колючий куст и мелкие острия, их кончики засели в моей коже и беспокоили, словно не мех касался моего тела, а теснили колючие рукавицы. И вообще всё моё тело было словно и не моё, словно его раздавили и перемяли какие-то жернова. Вот как нет Ария, начинается со мной какая-то ерунда, уже в который раз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.